

Пролог

Истории очень часто заканчиваются свадьбой. Но начинаются они не столь радостно.

Вот и эта история началась в спальне, где лежала молодая и очень красивая женщина.

Сейчас она уже была не столь красива, тяжкие трехдневные роды подорвали ее здоровье, и она чувствовала, как жизнь утекает из ее тела.

— Рианна... — Муж держал ее за руку, но она уже почти ничего не чувствовала. — Рианна, любовь моя...

Женщина прерывисто вздохнула.

Она пыталась собраться с мыслями... так тяжело. Так больно. И разум словно бы уплывает.

— Я умираю, Марк?

За что она ценила своего мужа, так это за его правдивость. Вот и сейчас он не стал лгать.

— Лекарь говорит, что у тебя сильное разлитие внутренних соков, и предлагает сцедить дурную кровь.

Женщина качнула головой. Даже это легчайшее движение отдалось таким приступом дурноты, что пришлось пару минут подышать. Прийти в себя, успокоиться.

У нее осталось не так много времени. Нельзя его терять.

— Я знала, что могу умереть во время родов.

Женщина смотрела в ту сторону, где стояла колыбелька с младенцем. Девочкой.

Адриенной Сиблевран.

Она умоляла, чтобы ребенка не уносили, чтобы даже кормили малышку при ней... Жар? Горячка? Пусть так! Каждая минута, проведенная рядом с ребенком, была для нее бесценна. Каждая секунда...

Сейчас жара не было. Был только холод. Смертельный холод. И она понимала, что это значит.

Агония.

— Не говори так, любимая. Ты поправишься...

Рианна качнула головой и приподнялась.

— Нет. Уже нет. Марк, я умоляю тебя. Умоляю выполнить мое последнее желание.

— Клянусь, любимая!

— Нет, не так. Клянись. Своей матерью, своим родом, своей честью и сердцем.

Марк сдвинул брови. Но послушно произнес требуемые слова:

— Рианна, я клянусь. Клянусь своей матерью — да изольется ее чрево, клянусь своим родом — да пресечется он навеки, клянусь своей честью — пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем — да остановится оно в тот же миг, если я не выполню твое последнее желание.

Женщина откинулась на подушки.

Полная клятва. По всей форме. Такие дают крайне редко, но держат... лучше взойти на костер, чем ее нарушить. Последствия будут куда как хуже. Судьба слышит. Судьба карает.

— Ты не женишься, пока наша девочка не станет женщиной. Ты поклялся.

Марк вздрогнул.

— Хорошо. Я поклялся — и я исполню. Но ты лишаешь меня наследника.

— У рода Сиблевран есть наследница, — прищурилась Рианна. — Роду достаточно.

Марк коснулся руки супруги.

Ледяная... и понял, что она даже не чувствует его прикосновения.

— Я обещал. Я воспитаю нашу малышку. И не женоюсь, пока она не повзрослеет, Рианна. Я сберегу нашу дочь.

— Дай мне ее... пожалуйста.

Женщина откинулась на подушки.

Лицо ее стремительно бледнело. Жизнь из него уходила на глазах. Каким чудом она еще держалась — муж не знал. Нет, не знал.

Но послушно подал малышку матери. Та потянулась к ребенку, почти села, опершись спиной на подушки. И без того белое лицо вовсе уж выцвело от усилий — одни глаза жили на нем. Громадные, синие...

— Выйди. Закрой дверь.

Стоило ли повиноваться?

Он не знал. Но ноги сами собой двинулись на выход. Сами собой...

И дверь закрылась.

Рианна с нежностью посмотрела на дочь. Те же черные волосы, те же синие глаза — наследство рода. Ее рода. Уже сейчас видно. Даже черты лица как у нее.

— Прости меня, малышка. И — прими мое последнее благословение. Мою силу и мою власть над родом Сиблевран.

Женщина последним усилием наклонилась к малышке — и коснулась поцелуем ее лба.

И на миг...

На долю секунды в комнате разлилось белое свечение.

Древняя магия рода Сиблевран, о которой почти никто не знает. Древняя власть. Та, что позволяет процветать ее землям.

Поля поместья Сиблевран, того единственного, что осталось, самого сердца, всегда были плодородны, стада изобильны, деревья ломились от фруктов. Засуха?

Никогда...

Болезни — и те обходят ее землю стороной. И это лишь частичка былой силы.

Руки женщины бессильно опали. Малышка оказалась на коленях матери, накрытая ее телом, словно коконом. Но не разревелась, а почувствовала знакомый запах, засопела носиком — и продолжила спать. Она еще не знала, что сегодня стала сиротой.

Войти в спальню посмели только час спустя.

Над землями Сиблевран гремела и грохотала гроза, оплакивая хозяйку замка.

Малышка мирно сопела в своей колыбельке, наевшись молочка кормилицы и не думая ни о чем плохом.

Мрачно напивался в стельку дан¹ Марк. Жену он любил. И дочь... к дочери отношение было сложное. Наследница...

Но дочь от любимой женщины?

Дочь, рождение которой стоило Рианне жизни...

Но его малышка...

А поскольку был он все же неплохим человеком, то и зла в его душе не нашлось. И девочку он будет беречь. И заботиться.

Мчался сквозь грозу гонец, спеша доставить королю известие о смерти эданны Сиблевран.

Так и началась эта история.

¹ Обращение к благородным. Дан — мужчина, вне зависимости от семейного статуса, эдана — замужняя женщина или вдова, незамужняя девушка — дана. (Прим. авт.)

Глава 1

Адриенна

— Дана Риен! Дана Риен!
Девочка досадливо скривила губы.
Вот ведь... опять ее Розалия ищет!
Кормилицу она любила. Но она такая... клуша!
Опять начнет приставать со всякими глупостями!
Чтобы девочка вышивала, или молилась, или на кухню сходила...

Мало ли дел для юной даны?

Дел-то много. Но они все такие скучные! Вы просто не представляете насколько!

Уж-жасно скучные!

Дана могла приглядеть за хозяйством. Знала рецепты блюд. И молитвы знала, каждый третий день с ней занимался падре Санто, так что требуемый круг молитв девочка на память могла прочитать.

И вышивать умела.

Не любила только.

Нитки путались, игла кололась, стежки получались разной длины и ширины, а уж про кривизну страшно и подумать было! И дана быстро бросала подходящие ей занятия.

И занималась неподобающими.

Известно же, что юные даны должны сидеть в доме своего отца. Выходить они могут только в церковь и только после того, как им исполнится двенадцать лет. До той поры девочек из благородных семей посторонним не показывают. Даны могут гулять во дво-

ре дома, но и только. А показаться чужим — нельзя. Позор для всего семейства.

Это в городе.

В деревне, конечно, нравы более вольные. И если юная дана пойдет к мессе с отцом или матерью, если она прокатится в карете по окрестностям... конечно, карета или паланкин должны быть закрыты наглухо, а юную дану должен сопровождать кто-то из старших. Мать, отец, брат... в крайнем случае — духовник. Так вот, ее не осудят. И долго сплетничать не станут.

Конечно, девушки из крестьянских семей более свободны в своих поступках. И родителям они помогают, и бегают где хотят, но ведь это крестьяне! Чернь!

Разве можно их девчонок равнять с благородными данами? Там в двенадцать уж и замуж выдают, как только девки первую кровь уронят. А благородных дан раньше семнадцати отдавать можно только по разрешению церкви.

Иначе позор.

Помолвку заключить — это хоть в колыбели. А вот замуж — только в семнадцать.

Дана Риен об этом отлично знала. И очень этому радовалась. Адриенна вообще не хотела замуж, и на то были серьезные причины.

Десять лет назад умерла ее мать. Умерла в родах. Успела только денек побыть с дочкой, имя ей дать, благословить — и умерла. Да и кормилицу эданна Рианна сама подбирала.

Розалия приехала с ней из самой Эвроны. Там у бедолаги все сложилось плохо, служанку обрюхатил сынок хозяев, а та, дуреха, нет бы к бабке какой сбегать да плод сравить, принялась рыдать и сопلي размазывать.

Не убьет она младенца!

Вот дура-то!

Конечно, хозяева выгнали ее на улицу без куска хлеба и без единой монеты из честно заработанных. И закончилась бы история несчастной Розалии в сточной канаве, если б не проехал мимо паланкин эданны Рианны.

А дальше все было просто. Эданна, обладая острым зрением и добрым сердцем, не только увидела плачущую беременную девушку, но и посочувствовала ей. И пригласила работать кормилицей.

Конечно, за новую хозяйку Розалия готова была и в огонь, и в воду. Сына она родила, к маленькой Адриенне относилась как бы не ласковее, чем к родному ребенку, и ночей не спала, и на своей груди девочку подняла. А четыре года назад у нее и личная жизнь сладилась.

Розалия вышла замуж за старшего конюха и была безумно счастлива. И сын ее доволен — лошажник он заядлый, с малолетства. И она второго ребенка родила, а может, и не одного еще родит, хоть и не девочка уже, двадцать шесть исполнилось. Крестьянские девки в таком возрасте и бабками стать могут. И спины сгибаются, и зубы выпадают..

Розалию это миновало. Хоть и возраст такой, а все равно — спелая, сочная, что то наливное яблочко, зубы целы, морщин считай что и нет..

А вот упорство — есть.

— Дана Риен! Дана!!!

Девочка скрипнула зубами.

— Сиди, — шепнул Марко. — Я ей скажу, что тебя нет.

Но совесть уже одолела молодую хозяйку.

— Ладно уж... не поленилась же она сюда прийти!
И Тоньо бросила...

Марко насмешливо фыркнул. Адриенна вышла из конюшни.

— Что ты шумишь, Рози? Здесь я...

— И вы посмотрите, в каком виде! — вознегодовала почтенная ньора¹. — Дана, вы не мальчишка конюшенный! Опять эти бриджи ужасные, опять дублет, опять волосы кое-как собраны... слов у меня нет! Немедленно умываться и переодеваться, как подобает благородной дане.

— Зачем? — заныла Адриенна, совершенно не имея желания по такой жаре влезать в платье. Это ж с ума сойдешь!

Нижняя рубашка, панталоны, которые подвязывать надо, верхняя рубашка, платье, рукава... еще и волосы укладывать заставят! И головной убор надевать!

Не хо-чу!

— Дан Марк хотел вас видеть.

Адриенна только вздохнула.

Если отец... тут не поспоришь и не поругаешься. Он и так многое позволяет дочери, но на беседу лучше явиться как положено благородной дане.

Что уж там... у других и сотой степени свободы Адриенны нет. И не снилось им такое.

Чтобы в мужской одежде ходить. Чтобы на коне по полям проскакать. Чтобы на траве в лесу поваляться... чтобы и ветер в лицо, и воля в душе... и грамоте их не учат, разве что некоторых, и счету, жена вообще должна уметь любить мужа, молиться, вести хозяйство и рожать детей. В любой последовательности.

Думать?

Думать за нее будут отец, муж и сын. Вот именно так.

¹ Ньор, ньора — обращение к простонародью, вне зависимости от семейного статуса. Ласково, к незамужней девушке могут обращаться «ньорита». (Прим. авт.)

На словах.

На деле получается по-разному, вот как у Адриенны. Жениться ее отцу эданна Рианна запретила, а как вообще девочек воспитывают? Кто-то знает?

Ну да... они в доме постоянно.

Вот на мессу ходят...

А как удержишь живого и любознательного ребенка? Который везде лезет, который смотрит своими синими глазищами... красота — невероятная. Розалия каждый раз вспоминала умершую эданну и глаза угольном передника вытирала.

Та тоже хороша была, а уж Адриенна, ее малышка Риен, — всем на загляденье.

Волосы черные, гладкие, блестящие, глазищи огромные, синие, личико точеное... жаль, загорелое, что у той крестьянки, но тут уж дан всему виной! А кто с собой ребенка везде таскал? Ну хорошенькая, как куколка! И просится!

Строже надо было быть! Строже!

А так дана из отца веревки вила и косички из них плела. И по арендаторам с отцом, и по делам с отцом, а чтобы не придирались, отец ее в мальчишескую одежду и переодевал. Кто знает, тот относится снисходительно: единственное чадо, память об умершей жене, а кто не знает... мальчик и мальчик, что такого?

И читать Адриенна захотела научиться, и считать, и дан разрешил. Падре Санто лично учил малышку. Еще и радовался, какая умная да смышленная.

И считает она легко и быстро, и восемь языков освоила, и на всех пишет, читает, стихи складывает, и к хозяйству способная, счета проверяет почти мгновенно, хотя сам дан с ними часами сидит...

Вырастили!

Кто ж ее такую замуж-то возьмет?

Мужчины не любят, когда женщина умная. Ой не любят...

Вот и переживала верная кормилица, помогая девочке обтереться губкой над тазиком, а потом надевая на свою красавицу тонкую нижнюю рубашку, более плотную верхнюю, потом корсаж, платье, пояс, подвязывая рукава и помогая подвязать панталоны к поясу. Да и чулки забывать не стоит.

Хоть и тепло, но легонькие, нитяные, все равно быть должны. И туфли с лентами...

— Садитесь, дана, волосы вам расчесу и уложу.

Адриенна повиновалась.

Волосы так волосы. Надо...

Кормилица ловко расчесала смоляные пряди, уложила их в тяжелый узел на затылке, потом закрепила на нем кокетливый чепец, который больше напоминал крохотную шапочку и ничего не скрывал. Подчеркивал — и только.

И во всем этом облачении дана Адриенна отправилась в кабинет к своему отцу.

Без трепета. Что она, не бывала там? Бывала, и не раз...

Все знакомо, все родное. От здоровущей медвежьей шкуры на полу, на которой любила играть, а то и засыпать малышка Риен, до оружия на стенах.

И отец сидит за огромным столом и улыбается. Ласково.

— Что, егоза? Спряталась от Розы?

Адриенна тут же превратилась из сдержанной и исполненной достоинства даны в шаловливую девчонку.

— Папа! А чего она...

Отец улыбнулся, но пальцем девочке погрозил. Чего-чего... работа у нее такая — пытаться хоть как-то сделать дану из этой норовистой кобылки. Вот и о кобылках...

— Риен, я решил прикупить нам еще пару кобыл на племя. Хочешь съездить со мной на ярмарку?

— ДА!!! Да, папочка, прошу тебя!!!

— Тогда собери вещи. Мы едем через два дня. И чтобы до отъезда я не слышал на тебя ни одной жалобы, поняла?

А вид невинный... как есть — лучик солнечный.

— Папочка, я ничего...

— Ничего? А кто в поварню ужика подбросил? Да еще и пятна ему закрасил?

— А чего они сами... чуть меня помоями не облили.

— А ты не знаешь, что юной дане не пристало таскать булочки прямо из кухни?

— Знаю, — потупилась Адриенна, тем более что таскала она их вовсе даже не себе, а Марко и Тоньо. Вот мальчишки сладкие булочки с орехами любили, а ей бы мяса. Или рыбки... соленьюшкой...

— Чтобы больше такого не было. Не то дома останешься.

— Обещаю! — подскочила дочь. — Папочка, ты самый лучший!

Поцеловала в щеку и умчалась.

Дан Марк только головой покачал.

Вот ведь... егоза.

Но взять ее с собой обязательно возьмет. В животных, в людях малышка разбирается идеально. Никогда плохую скотину купить не даст, больного работника почувствует...

Наследственность.

У Рианны тоже такое было, она рассказывала. Род СибЛевран. Этим все сказано.

Род СибЛевран.

Побочная ветвь воронова крыла. И птица на гербе. Черная, тревожная... ворон. Ле Вран.

Мия

— ПАПА!!!

Крик вырвался сам. Когда осела на пол мама, когда заплакал младший брат...

Когда мимо пронесли носилки и Мия увидела цепочку капелек крови на каменных серых плитах.

Папа...

Как же... за что же... он же просто поехал на охоту! Что в этом такого страшного? Папа всегда ездил, и возвращался, и охотился он сейчас на уток... обычно он привозил разноцветные тушки, и их потом ощипывали на кухне, а пух все равно летал по всему дому...

И мама смеялась.

А сейчас она лежала на полу. И Герин, охотничья собака отца, обнюхивал ей лицо. А потом сел рядом и завыл. Печально так... горестно.

Дальше девочка и сама себя не осознавала. Все было как в тумане.

Герин получил пинок, и Мия за ошейник вытащила его из дома. Нечего тут!

Они хоть и бедные, а все ж не ньюры! Ее отец — дан! Просто денег у него нет, и все наследство — медяки медные да клочок земли... охота была не только развлечением, но и способом выжить.

Младший брат отца, дан Джакомо, давно плюнул на благородство рода, семнадцати лет от роду ушел из дома, умудрился удачно жениться — то есть обменял титул на деньги, взял в супруги дочку купца и усердно помогал ее отцу в торговле.

Дан Пьетро до такого не опускался.

Кое-как сводил концы с концами, получал скудную ренту от арендаторов, то одалживал денег у брата, когда выдавался неудачный год, то отдавал...

Мия знала, что о поездке ко двору и мечтать не приходится. Что удачный брак... вряд ли это возможно в ее положении. Основа удачного брака — приданое. Кроме клочка земли и полуразваленного дома, даже не замка, у отца ничего не было.

Деньги? Какие деньги?

Мия понимала, что ее судьба — или брак по расчету, или монашество. Но это было ДО беды, случившейся с отцом. А вот что будет сейчас?

Мама так и лежала на полу, и Мия решилась. Брат растерян, да он и на три года младше ее. Ему всего девять лет. Какие уж тут команды?

Слуги мечутся, младшие рыдают... Кто-то должен взять все это в руки? Кто-то должен... и выбора нет...

Маму свою Мия любила совершенно искренне. Но и оценивала достаточно трезво.

Слабая и хрупкая, эданна Фьора полностью соответствовала своему имени. Цветочек. Нежный и хрупкий. Изящная и грациозная, томная и воздушная... каким образом она родила четверых детей?

Не понять.

Но родила же... и воспитывала, и хозяйство вела, хотя и из рук вон плохо...

Воздушность — конечно, хорошо, но для хозяйства лучше на земле стоять двумя ногами. Иначе это плохо закончится.

Такими словами Мия не думала. Но понимала, что на мать сейчас рассчитывать нельзя. А потому сделала первое, что ей пришло в голову.

Два шага вперед.

А потом размахнулась — и отвесила первой же подвернувшейся под руку служанке звонкую затрещину.

— А ну молчать, дура!

Служанка замолчала просто от шока.

Ладно бы эданна... но чтобы ребенок? Ее? Вот ТАК?! Растерянность ньоры была видна невооруженным взглядом, но выть она перестала. А Мии того и требовалось.

— Ньор Симон! Немедленно займите людей делом! Конь отца наверняка не вычищен и не расседлан! Пошлите конюха за лекарем! И немедленно! Уберите беспорядок! Кровь надо смыть, полы посыпать свежим тростником! Мою мать — в спальню, и приставить к ней служанку! Малышню — к няньке! Выполняйте!

Ньор Симон, старший над слугами в доме, с уважением взглянул на девочку. Мия выглядела этакой очаровательной куколкой в кудряшках. Совсем как мать.

Светлые волосы, карие глаза раненой лани, большие и влажные, очаровательное, почти кукольное личико... тут было на что посмотреть! Тем более эданна Фьора одевала дочь на свой вкус: в кружева, шелка, оборки и рюшечки с бантиками. И кто бы мог ждать от девочки такого проявления характера?

Отец ее, дан Пьетро, между нами говоря, тоже силой воли не отличался.

Но... приказ получен. И засуетились слуги, которых и было-то всего четверо. Симон и лакей потащили эданну вверх по лестнице, в спальню, одна служанка пошла за ними, а вторая, которую ударила Мия, принялась сгребать с пола грязный тростник.

Мия вздохнула и подошла к ней.

— Прости меня, Анна.

— Мне сердиться не пристало, — буркнула женщина. — Все хорошо, дана.

— Лгать — против Господа. Падре на исповеди за ложь епитимью наложит, — прищурилась девочка. — Пойми, я не хотела тебя бить. Но если б крик не оста-

новился... отцу лекарь нужен, матери на полу лежать нехорошо...

Анна подняла глаза от тростника.

— Вы, дана, лучше никому свой нрав не показывайте.

Мия даже головой помотала. А это, простите, здесь к чему сказано? Но Анна поняла и пояснила:

— Выглядите вы, что цветочек. А только из железа откованный. Такой и не сломашь, и руки изрежешь... вы это никому не показывайте. Дурочке на свете жить всяко проще.

Мия кивнула.

— Спасибо за совет, Анна.

— Ничего, дана. Хоть бы дан Пьетро поправился...

Мия кивнула.

— Пойду к отцу. Пока не приехал лекарь... мать туда пускать нельзя, а то еще и ее в чувство привести придется.

Спорить было сложно. Служанка опустила глаза и принялась усерднее сгребать тростник, которым был посыпан пол. И то сказать, давно пора было его обновить, вон, подгнил уже...

Ладно уж... чего на девочку сердиться.

Бывает...

* * *

Мия медленно поднималась в отцовскую спальню.

Она знала, куда понесли отца. Знала. Но...

Ей было страшно. Что бы она ни увидела... в любом случае рана отца — это серьезные проблемы. И хорошо еще, если он выздоровеет. И достаточно быстро...

А если нет?

Мия торопливо перекрестилась, отгоня молитвой и знаменем дурные мысли, но не ускорилась. Страшно же...

Вот и спальня отца.

И кровь на полу, кровь на кровати, кровь на одежде, на тряпках, которыми перетянут живот... как же ее много! Откуда в человеке столько?!

И сколько отец еще потерял по пути?!

Мия очень медленно, чтобы не потревожить, не причинить боли, принялась осматривать живот. Аккуратно разрешила заскорузлую тряпку, нитки, иголки, ножнички — все было у нее в маленьком кошельке на поясе. Не милостыня, как положено благородной дане, нет у них денег нищим подавать. Самим бы кто подал.

А вот такие, хозяйственные мелочи... когда у вас трое младших, брат и две сестры, кто-то да поранится. А то и одежду порвет...

И зашить требуется, и перевязать Мия могла... и крови не боялась.

— Кхм... дана...

Мия подняла глаза.

Томас, егерь, стоял неподалеку, просто тень от полога так падала, что Мия его не заметила.

— Ньор Томас?

— Дана Мия, там плохо все очень.

Мужчина все понял правильно. И приход девочки, и ее действия...

— Я послала за лекарем.

— Не знаю, сможет ли он помочь. Но лучше повязку не трогайте. Проклятый кабан... мы на уток охотились, а эта тварь через камыши мчалась, как будто сам дьявол погонял, мы и опомниться не успели. Он дана рванул — и дальше помчался. Мы подбегаем, а там живот распорот, внутренности на землю вывалились... ну мы уж кое-как... простите, дана.

Мия побелела.

Ранение в живот? Да такое?

Приговор.

Она, конечно, дождется лекаря. Она будет бороться до конца. Но...

— Надо написать дяде Джакомо. Все очень серьезно. Томас кивнул.

А девочка-то умница. И не кричит, не орет, не бьет-ся в истерике... другая б на ее месте... Впрочем, вот вам эданна Фьора. Тихо лежит в глубоком обмороке. А малышка решает, что надо сделать.

— Напишите, дана. Вы сумеете? А я сейчас и отвезу письмо-то... до Эвроны путь неблизкий. Пока доеду, пока дана Джакомо найду...

Мия закрыла глаза.

На секунду, только на секунду. А потом выпрямилась.

— Ньор Томас, прошу вас пока побыть с моим отцом. Я скоро вернусь.

И вышла. Писать письмо...

* * *

Так ли это легко — написать письмо?

Ну... если вы хорошо умеете писать — то да. Мия этим похвастаться не могла, как и остальные отпрыски рода Феретти.

Падре Уго их учил, конечно, и Мия могла что-то прочесть, и написать могла, хоть и с горем пополам, но...

Написать. А бумага в кабинете отца. Там же чернила и печать.

В кабинет отца запрещено заходить всем. Даже эданне Фьоре. Если отец узнает, он Мию просто выпорет. На конюшне. Хлыстом.

Один раз ей досталось за то, что она подглядывала за конюхом и служанкой... но это сейчас не важно. Ладно! Если отец выживет — пусть порет! Мия потерпит!

И девочка решительно вошла в кабинет.

Там было темно и прохладно, тяжелые бархатные шторы, бывшие некогда темно-зелеными, а сейчас скорее грязно-бурыми, практически не пропускали света.

Мия решительно раздернула их в стороны.

— Так...

В ящиках стола последовательно нашлись: бутылки, кинжал, пистоль (правда, сломанный), порох и пули, карты и дамские чулки сиреневого цвета, книжка с картинками, при виде которых Мия сначала покраснела, а потом подумала и сунула книжку себе за пазуху.

Вряд ли отец хватится пропажи в ближайшее время. Она успеет ее просмотреть... ну и прочитает, если получится. Читала Мия откровенно плохо и медленно.

А вот и бумага. И чернильница... здесь на доньшке. Песочница, восковая палочка, печать рода Феретти...

Мия не стала садиться. Ей было бы неудобно, в кресле отца она могла два раза утонуть.

Она подвинула скамеечку для ног поближе к столу, встала на нее и положила перед собой лист бумаги. Медленно, вспоминая уроки доброго падре, вывела несколько слов. Перо нещадно царапало бумагу, а в одном месте даже прорвало ее, но не сильно, самым кончиком. Присыпала песком, подождала, пока высохнут чернила. Свернула бумагу так, чтобы получился конверт, растопила восковую палочку и накапала воска.

Приложила печать.

Вот так.

Теперь подождать, пока застынет воск... это быстро.
И к Томасу. Пусть мчится стрелой.

Папочка... только выживи! Можешь меня хоть три
раза выпороть, только выживи...

* * *

Лекарь прибыл спустя три часа. Ньора Фаусто Мия знала давно. Он лечил папу от разлития желчи, маму — от меланхолии, младших — когда те заболели. Сама Мия к его услугам не прибегала ни разу — не болела. Вообще. Но ньора Фаусто знала. Ей нравился невысокий седой мужчина с умными серыми глазами и доброй улыбкой. А в кармане у него всегда были лакричные леденцы для маленьких ребят. Она верила — лекарь справится. Но ньор Фаусто поднялся к пациенту, осмотрел его — и вышел.

И наткнулся на Мию.

— Дана?

— Разговаривайте со мной, ньор, — тихо сказала Мия. Девочка сильно повзрослела за эти страшные несколько часов. — Матери плохо...

— Я могу чем-то помочь эданне?

Ньор интересовался скорее профессионально, чем действительно желая помочь. И был удивлен резким кивком Мии.

— Ньор, у матери просто нервы. У нас мало денег... мы не сможем оплатить вашу помощь. Сколько мы должны вам за вызов к отцу... и что вы скажете?

Ньор Фаусто оценил.

И заговорил с девочкой уважительно и ровно, как со взрослой. Глядя ей в глаза и не принижая юную дану недоверием или предложением позвать кого-то взрослого.

— Дана Феретти, ваш отец опасно ранен. Если сейчас на кухне сделают чесночный отвар, я проверю кое-что...

— Я распоряжусь, и сделают. Что именно вы хотите проверять и какой отвар нужен, ньор Фаусто?

Лекарь вздохнул.

Да, разговаривать о таких вещах с юной даной, тем более такой очаровательной и милой, сложно. А если больше не с кем?

— Дана Феретти, ранения в живот бывают разными. Но я сейчас условно поделю их на две группы. В первом случае повреждаются кишки и шансов выжить у больного нет. Идет излияние содержимого кишок в брюшную полость... полагаю, вы знаете, чем это чревато.

Мия кивнула.

Она отлично знала, как из милой свинки делают вкусную колбаску. И как кишки промывают — тоже. И как их набивают, и все остальное...

Даже видела.

Мама была бы в шоке, но девочка обожала подглядывать и подслушивать. И не находила в этом ничего дурного. Правда, больше она за тем, как режут свинью, не подглядывала. Даже на спор.

Неприятное зрелище.

И запах... фу-у-у-у!

— Понимаю. А второй вариант?

— Если у вашего отца не повреждены кишки, я еще раз промою рану. И мы будем молиться, больше ничего не остается.

Знамение Мия сотворила. Но — не удержалась:

— А кроме молитвы что-то может помочь?

Лекарь поглядел на девочку грустными серыми глазами.

— Дана Феретти, вам будет легче, если я выпишу вашему отцу сорок шарлатанских снадобий, возьму с вас деньги, а потом объявлю, что на все воля Божия?

Мия качнула головой. Вряд ли... только и того, что даже денег не будет.

— Я благодарна вам за честность, ньор Фаусто.

— Тогда пойдёмте. Я скажу, как сделать чесночный отвар, а когда его сварят, мы попробуем напоить вашего отца.

— А потом?

— Спустя некоторое время надо будет открыть рану и принохиваться. Если из живота у него запахнет чесноком... этот запах очень сильный и отчетливый, дана. И отвар не наносит вреда здоровью...

Мия поняла. И прикусила губу до крови.

— Вы хотите сказать, что если запахнет...

— Да, дана Феретти. Вашему отцу сможет помочь только Бог.

Мию это не утешило. Но...

— А сейчас? Отцу больно...

— Я перебинтовал его и дал маковый отвар. Он спит и не ощутит боли еще несколько часов.

— Благодарю вас, ньор. Сколько я должна?

Ньор только вздохнул.

Сколько она должна? Да знает он о состоянии семьи Феретти, вся округа о нем знает. Но и сказать, что денег не надо, пожалеть малышку, означает жестоко ее оскорбить. Она не простит.

А потому...

— Десять сольди, дана Феретти. Я не так много сделал, а за вызов я больше не беру¹.

¹ Золотая монета называется лорин (3,5 грамма золота). Один лорин равен 6 д а р и я м, один дарий — двадцати сольди или ста двадцати малым р и я м. (Прим. авт.)

Мия поняла все. И то, что осталось несказанным.
И как пощадили ее гордость.

— Да благословит вас Бог, ньор Фаусто.

Ньор молча поклонился.

Божья помощь им понадобится. И этой девочке
прежде всего. Увы...

* * *

Чесночный отвар сделали.

И Мия лично сидела рядом с отцом, вливала ему
между губ по ложечке, уговаривала выпить... отец гло-
тал в беспамятстве.

Где-то неподалеку билась в истерике мать на руках
верных служанок.

Уснули дети под сказку кормилицы.

Мия сидела и поила отца. А потом сидела вместе
с ньором Фаусто. И лекарь тихонько рассказывал дане
случаи из своей практики, понимая, что девочка стала
взрослой сегодня.

А еще, что она останется одна. А ей нельзя, вот
именно сейчас никак нельзя...

Пусть он чужой человек для даны. Но здесь и сей-
час — он человек, он рядом, он дает ей необходимое
тепло... что еще надо?

Да ничего!

Только молитва...

Увы. Бог, если и слышит человеческие молитвы, то
ответ не всегда дает благоприятный.

Спустя два часа Мие не понадобилось и объясне-
ний.

От повязок на животе отца резко и остро пахло
чесноком, перебивая даже запах крови и дерьма.

Надежды не было...

* * *

Куда не хотела идти Мия...

К матери.

Вот ведь и так бывает... Мия любила мать. До слез, до острой подсердечной жалости... вот как сейчас быть?

Войти и сказать, что, мама, все! Папе осталось несколько часов! Хочешь ты побыть с ним? Или нет? Решай...

Как тут повернуться языку?

И все же, все же...

— Хотите, я скажу это вашей матери? — тихо спросил ньор Фаусто.

Мия сжала кулачки. До боли, до крови в лунках ногтей... ах, как же это просто! Переложить ответственность на чужие плечи!

Не увидеть в материнских глазах боль и отчаяние.

И врать, врать себе до самой смерти... так легко, так просто, так приятно...

Мия качнула головой.

— Ньор Фаусто, я благодарю вас. Но... я должна.

И в глазах мужчины явственно блеснуло уважение. Он медленно взял руку девочки, поднес к губам, поцеловал.

— Дана Мия Феретти, что бы ни было в вашей жизни, вы можете рассчитывать на мою помощь и поддержку. Вы необыкновенная девушка.

Мия хлюпнула носом. Не сдержалась. Да, еще даже не девушка, двенадцать лет всего, но кого это волнует? Сегодня она на сорок лет повзрослела. Или на пятьдесят? И стала старше своей милой мамочки. Самой старшей в семье...

— С-спасибо, ньор Фаусто.

— Держитесь. Вам нельзя сейчас раскисать, иначе не справитесь. — Ньор Фаусто поднял руку ладонью к ней. — И вот... возьмите. Подышите.

Маленький флакончик перекочевал из рук в руки. Мия послушно поднесла его к носу — и едва не задохнулась от острого ядовитого запаха.

— Ох!

— Это нюхательные соли. Не разбавленные, как для благородных эданн, а чистые. Концентрированные. Вам пригодятся.

Мия сделала еще один вдох.

Слезы не хлынули. Нос даже задышал ровнее...

— Гадость какая...

У мамы был флакончик нюхательных солей. Вот там содержалось нечто подобное, только слабее, намного. И розой еще пахло... мама его использовала, когда у нее болела голова.

— Сколько я должна, ньор Фаусто?

— Еще десять сольди. Итого один дарий, дана Мия. Мия качнула головой.

Она знала, что мамин флакончик стоил не меньше трех лоринов.

— Это стоит дороже, ньор Фаусто.

— Стоит. В красивых флаконах, с добавками из масел и прочей дряни... понимаете, дана? Я у вас прошу чистую цену вещества.

— Вы уверены? — сдалась девочка.

Отказываться не хватило сил. А это... что бы это ни было, но ей пригодится. И голова проясняется, и держаться легче.

— Вполне.

Мия достала из кармана одну из серебряных монет, которые нашла в столе у отца, вручила ньору Фаусто.

— Я благодарю вас, ньор.

— Дана Мия, полагаю, будет нелишним, если я останусь с вами... какое-то время.

Мия посмотрела на лекаря очень внимательно.

— Ньор Фаусто...

— Распорядитесь меня кормить вместе со всеми и отведите комнату, дана. Услуги лекаря не будут сейчас для вас лишними, а я могу себе позволить потратить пару дней. Считайте это моей молитвой.

— Молитвой? — искренне удивилась Мия.

— Конечно. Богу угодна помощь ближнему, вот и весь сказ.

— Не благотворительность? — прищурилась Мия.

— Вы в ней не нуждаетесь, дана. И в жалости тоже, — коротко ответил лекарь. — А вот в помощи и поддержке — безусловно. Как когда-то нуждался и я. Мне помогли, сейчас я отдаю свои долги. Не благодетельствую, понимаете? Просто возвращаю то, что никогда не смогу отдать близкому мне человеку.

— Он...

— Человек, который помог мне, уже умер. Он бы тоже остался здесь в такой ситуации. Уверяю вас.

Мия кивнула. Коснулась руки ньора Фаусто.

Руки постороннего мужчины! Благородная дана! Наедине!

Мама упала бы в обморок от ужаса. А Мия ничего, стоит... может, и не так ужасно нарушать приличия?

* * *

Вот и мамины покои. Мия решительно толкнула дверь и вошла.

— Дана! — зашипела на нее служанка.

Мария...

Личная мамина служанка. Раньше Мия ее боялась... почему? Подумаешь, толстая и строгая? Это не страш-

но. Страшно, когда умирает отец, а ты не можешь ничего сделать.

Мия посмотрела прямо в глаза толстухе.

— Где. Моя. Мать?

Ньора Мария не выдержала первой.

— Утомилась. Лежит в спальне, отдыхает...

— Вон отсюда, — резко распорядилась Мия. И шагнула по направлению к спальне.

Мария с неожиданным проворством загородила ей дорогу.

— Это вы что ж, дана, будете матушку тревожить?! Так нельзя! Неправильно это! Вы понимаете, у нее душа нежная, ранимая...

Может, не скажи Мария последнего слова...

Ранимая, ага.

А неподалеку погибает от раны в живот ее отец. И это НЕ мать сидела с ним рядом и обнюхивала рану.

— Еще одно слово — и ты уволена, — отчеканила Мия.

Мария аж задохнулась.

— К-как!?

— Молча. И без жалованья. — Девочка резала словами, будто ножом, хлестала наотмашь. — Ты слишком много воли взяла — указывать мне, куда ходить и что говорить. Вон!

Мария хотела что-то сказать. А потом вспомнила, что дан Пьетро ранен, что эданна Фьора плохо себя чувствует, да и прикусила язык. Поняла, что заступаться за нее некому. Прикажет девчонка, так и вытолкают Марию за ворота.

Может, потом что-то и вернется. Когда выздоровеет дан, когда придет в себя эданна, а может, и нет? Слуги послушаются.

И вышла вон.

Мия перевела дух.

Победа. Первая победа... не над собой, над другими. Оказывается, ее тоже слушают? Она еще попробует, потренируется... но потом. А сейчас...

— Кто там, Мария? — раздался из спальни слабый голос матери.

Мия решительно шагнула вперед.

* * *

Спальня эданна Фьоры была выдержана в белых и розовых тонах. Стены цвета слоновой кости, розовые шторы и занавеси, розовая мебель... и посреди этого сама эданна. Действительно как хрупкий цветок. Белокурые волосы рассыпаны по плечам, подушки высоко взбиты, рядом, на тумбочке у кровати, чашка с отваром.

— Мия? Я приказала меня не беспокоить! У меня болит голова... Пьетро поступил просто ужасно...

— Мама. Отец умирает, — жестко отчеканила Мия. И откуда только силы взялись?

Эданна Фьора, не говоря ни слова, потеряла сознание.

Ненадолго, ага. Ровно пять секунд понадобилось Мии, чтобы подойти к кровати и сунуть под нос матери тот самый флакончик. Простой, из грязного серого стекла, с пузырьками воздуха внутри... с очень хорошим, как оказалось, снадобьем.

— Ах-х-х!

Мия тоже вдохнула украдкой, пока мать приходила в себя и пыталась вытереть льющиеся слезы.

— Мия! Что это за гадость?! Выкинь немедленно!

— Мама, ты не слышала? Мой. Отец. Умирает.

Второй раз эданна падать в обморок не стала. Вместо этого она поднесла к вискам белые руки, обильно украшенные кольцами.

— Ужасно... просто ужасно! Что же теперь с нами будет?! Боже, я — вдова? За что?! Ах, за что мне такие горести?!

— Ты не хочешь пойти и проститься с отцом? Посидеть с ним рядом, пока он жив? За руку подержать? — В голосе Мии скрежетал металл.

— Но... я не смогу! — даже слегка удивилась эданна Фьора. — Я просто не смогу, я упаду в обморок...

— Ничего. У меня есть средство от обморока.

— Я... это ужасно! Просто ужасно!

— Мама, ты пойдешь к отцу?

— Я... я не знаю... там все очень плохо?

— Там рана на животе. Плохо пахнет. Есть кровь, — не стала врать Мия.

— Я... это так сложно и плохо...

Мия просто не выдержала. Сложно?! Плохо?! Да что ж ты...

— Мама. Ты идешь? Или нет?

— Как же ты похожа на свою прабабку...

— Мама?!

Фьора Феретти качнула головой.

— Нет, Мия. Я не смогу. Я пойду к детям и побуду с ними. А ты... ты сможешь побыть с отцом?

Мия опустила голову. Потом подняла глаза на мать. Да, мама...

Любящая и любимая. Добрая и ласковая. Слабая и зависимая.

Сегодня Мия стала старше матери. Потому что стала сильнее. Потому что приняла на свои плечи то, что не смогла принять мать. Потому что взяла на себя ответственность за семью.

— Хорошо, мама. Побудь, пожалуйста, с младшими. Я не смогу их успокоить.

— Обещаю, — сказала Фьора. — А Мария где?

— Я ее выставила. Она пыталась не пустить меня к тебе. Мама, сходи сейчас к детям.

— Хорошо, Мия. Они не спят?

Мия скрипнула зубами.

— Не спят, мама. Им плохо и страшно. Скажи им, что ты рядом, что ты их любишь, что все будет хорошо... пусть у них будет хотя бы эта ночь.

И Фьора медленно склонила голову.

Она признала главенство дочери.

* * *

Отца не стало к обеду.

Ночь он проспал под действием макового отвара. А с утра все же пришел в себя.

Хорошо еще, ньюр Фаусто был рядом. И приказал привязать несчастного к кровати, чтобы тот не навредил себе еще больше, и лекарство какое-то дал, после которого взгляд отца потерял сосредоточенность, но и боль утихла. Самая страшная, невыносимая... от распоротого живота воняло вовсе уж страшно.

— Дан Феретти, вы умираете. Я бы советовал вам позвать падре.

Мия обошла лекаря и встала так, чтобы отец видел ее.

— Папенька...

— Мия? Где Фьора?

И как сказать отцу, что мать даже не может зайти к нему. Ее уже перед дверью начало тошнить, и на этот раз непритворно.

Сейчас Фьора сидела с младшими детьми и читала им сказку. Хотя так...

Мия справилась и с этим.

— Папенька, маму не получается привести в чувство. Она так переживает, что ничего не может ей помочь.

— Моя Фьора...

— Папенька, падре Уго Бонито ждет внизу. Я позову его?

— Исповедаться и причаститься?

— Да, папенька.

— Зови, Мия. И приходи, когда он уйдет. И сына приведи.

О младших ни слова. Только о Лоренцо, Энцо. Что ж, хотя бы так.

Мия чуть поклонилась и вышла из комнаты. Ньор Фаусто проводил девочку грустным взглядом.

Она так и не спала. Всю ночь. Дремала рядом с отцом, сжимая его руку, чутко отзывалась на малейшее его шевеление, поила, вытирала пот со лба...

Феретти были недостойны своей дочери. И убедить ньора Фаусто в обратном не смог бы и Господь Бог.

* * *

— Мама, ты точно не пойдешь к отцу?

Фьора качнула головой.

— Не могу, Мия. Не могу... я хочу его запомнить живым и здоровым. Не так, как сейчас.

Мия еще раз кивнула. Хорошо, мама. Твой выбор — твое право. А у меня выбора нет.

— Отец хотел видеть Энцо.

— Зачем?!

— Мама? — Мия удивленно поглядела на мать. Зачем умирающий хочет видеть сына? Да, действительно...

— А дочерей?

Мия опустила глаза.

— Может быть, потом? Когда он даст все наставления Энцо? Братик, приведи себя в порядок, пожалуйста.

Энцо послушно отправился приглаживать волосы и поправлять воротник. Фьора подалась вперед, коснулась руки Мии.

— Ты умница, дочка. И ты так похожа на свою прабабку...

— Ты уже второй раз об этом говоришь. Но никогда мне о ней не рассказывала. — Разум Мии цеплялся за отвлеченные вещи, лишь бы не думать о том, что предстоит сейчас.

Она будет с отцом до конца.

Она не позволит взвалить эту ношу на младших.

Она справится, она сильная.

Но боже милосердный, как же больно!

— Не рассказывала, потому что на то есть причины, — помрачнела внезапно Фьора. — Обещаю, я все тебе расскажу — потом.

Мия наклонила голову.

— Хорошо, мама.

Вернулся Лоренцо. Улыбнулся сестре.

— Мия?

— Идем, братик.

Мия крепко взяла его за руку и вывела из комнаты.

— Энцо, отец сильно изменился. Я тебя прошу не шарахаться, не кричать, не плакать. Просто держи меня за руку. Я буду рядом с тобой, что бы ни случилось. Обещаю.

Брат поднял на Мию серьезные карие глаза. Они с мальчиком вообще были очень похожи и друг на друга, и на эданну Фьору. Погодки, светловолосые, высокие, тонкокостные, неожиданно сильные при своем хрупком сложении, с тонкими чертами лица.

Красивые.

— Мия. Слуги говорили... Отец умирает?

— Да.

— Это мать должна держать меня за руку.

— Она не сможет, Энцо. Просто не сможет. Пойми ее, пожалуйста.

Энцо кивнул. Но понял или нет?

Промолчал. Впрочем, объяснять и разговаривать времени уже не было. Дети стояли перед дверью отцовских покоев, и оттуда выходил падре Бонито, привычно благословивший обоих маленьких Феретти.

Мия чуть склонила голову, равно как и Лоренцо.

— Дан Феретти ждет вас, дети, — кивнул падре. И спустился вниз. Там его ждало угощение, Мия распорядилась перед тем, как идти за братом. И деньги — у Томаса.

Ей будет не до того, это уж точно. Надо и за всем остальным следить. Гроб, поминальная трапеза, одежда, вино... сколько же всего сваливается на ее плечи...

Ничего. Она выдержит. А сколько раз ей придется повторить эти слова? Снова и снова, и вслух, и про себя... Не важно. Совершенно не важно. Главное — то, что она справится.

* * *

В покоях отца было тихо и сумрачно. Энцо пригляделся. Нет, ничем вот это... на кровати... не походило на его отца. На веселого, красивого, сильного мужчину, который легко подхватывал его на руки и подбрасывал в воздух. А потом и маму подбрасывал... и та смеялась.

И Энцо тоже.

А сейчас в кровати лежало нечто желтое, словно высушенное, с резкими чертами, незнакомое... ошибка?! Это ведь не папа? Это просто перепутали! Правда?!

Он хотел уже спросить у Мии, как та могла, дернул сестру за руку, но тут мужчина на кровати кашлянул.

— Энцо? Подойди ко мне, сын.

А голос отцовский. Значит... это правда?

Энцо почувствовал, как по щекам сами собой побежали две слезинки... еще минута, и они превратятся в водопад...

Мия заметила вовремя. Дернула его за руку так, что Энцо даже охнул от боли.

— Не смей! Выпорю!

Подействовало. Боль отрезвила, Энцо пришел в себя. Действительно, нашел время расклеиваться, тряпка! Мие сложнее, а она держится.

— Папа, здравствуй.

— Подойди ближе, Энцо. Я хочу с тобой поговорить...

Энцо повиновался. Рядом с отцом было вовсе уж невыносимо. И пахло так... если бы не рука сестры, мальчик точно упал бы. Не помог бы даже ароматный дым из жаровни.

— Выйди, Мия.

Девочка сдвинула брови.

— Нет, отец.

— Ты смеешь...

— Смею, — отрезала Мия. — Брата я не оставлю. Ему плохо.

Отец только вздохнул. Раньше... да, раньше Мия получила бы трепку. Но здесь и сейчас она была права, и отец это понимал.

Дальше?

Дальше отец просил Энцо заботиться о матери и сестрах, постараться выдать маленьких замуж, молиться за его, Пьетро, душу..

Энцо обещал.

Когда отец попросил пожертвовать деньги на храм.. Мия опять вмешалась. Резко и жестко:

— Когда у нас будут деньги, отец, Энцо жертвует их. Сейчас у нас денег просто нет. Ни на что.

И снова, снова отец не стал ее ругать.

Наконец Пьетро отпустил сына, и Мия лично вывела его за дверь. Провела по коридору, подошла к окну, помогла мальчику влезть на подоконник. Обычно их за это ругали, но сегодня все было иначе.

— Как ты?

Свежий воздух помог Энцо чуточку прояснить мысли.

— Плохо. Мия.. папа скоро умрет?

— Ньор Фаусто сказал — два, может, три часа, — честно ответила Мия.

— Ты пойдешь к нему?

— Да.

— До... до конца?

— Да.

— Я..

— Ты со мной не пойдешь, — отрезала Мия. — И думать не смей, хватит с тебя!

— Я мужчина!

Мия обняла брата, погладила светлые кудри.

— Да, Энцо. Ты мужчина. Настоящий. Но сейчас не надо брать на себя и эту ношу. Забудь то, что видел. Забудь. Я не хочу, чтобы ты носил это в себе, чтобы помнил, я хочу, чтобы отец навсегда остался в твоей памяти как легкий и светлый человек. Не это вот.. Ньор Фаусто сказал, что может быть плохо. И ме-

таться отец будет, и кричать... не думай ни о чем. Не думай.

Энцо доверчиво прижался к сестре.

А ведь и подзатыльники он от нее получал за испорченных кукол и разрезанную ленту. И дрались они, когда Энцо сестре в волосы песка насыпал. И ругались.

А сейчас вот прижался к Мии, затих доверчиво...

— Это мама должна с ним быть. Не ты.

— Знаю.

— Никогда ее не прощу.

Мия еще раз вздохнула.

— Каждому дается крест по силе, Энцо. Каждому — свой.

— А ты выдержишь? — Энцо пытливо заглянул в глаза Мии. Сестра была права. Он бы тоже выдержал, но чего это будет ему стоить?

— Выдержу. У меня нет выбора.

— Я...

— Иди, Энцо. Не прибавляй на мой крест еще камней, — тихо попросила Мия.

Мальчик посмотрел в ее глаза и спрыгнул с подоконника.

— Я люблю тебя, сестренка.

— И я тебя, братик.

Мия проводила брата тоскливым взглядом — и вернулась в спальню отца. К умирающему и ньюру Фаусто.

* * *

Похороны состоялись на следующее утро.

Скромные и тихие.

Эданна Фьора упала в обморок на гроб с телом мужа.

Дан Лоренцо Феретти был бледен и сдержан. Дана Мия... Дана Мия просто держалась. У нее не было вы-

бора. Сейчас похороны закончатся, все отправятся в дом, выпить вина и закусить, а потом, вечером...

Только вечером она останется одна — и позволит себе то, что давно хотела сделать.

Позволит себе выть, кричать, кататься по полу от боли, рвать волосы...

Только вечером. А сейчас надо быть сильной.

И забегая вперед — так и случилось. И выла, и рыдала, и каталась... но если никто не видел, значит, этого и не было.

Спала в своей комнате эданна Фьора, одурманенная сонным отваром.

Спали малышки, которые не думали о смерти отца, для них это не было пережитым, для них это осталось рассказанным, а значит, и не таким страшным.

А Мия...

Ничего не было. Только глаза с утра красные. Но это бывает от разных причин. Может, она не выпалась?

Бывает...

Глава 2

Адриенна

Ярмарки Адриенне нравились. Шум, гам, веселая суматоха... правда, иногда было немножко жаль. Вот крестьянские девушки спокойно ходят по ярмарке, прицениются то к тому, то к сему, а она вынуждена переодеваться в мужскую одежду.

А хотелось бы!

И платье надеть, и потанцевать в веселом хороводе, и на карусели прокатиться...

Нельзя. Отец полностью прав, это занятие для ньюры, не для даны. И если кто-то узнает, она в жизни

себе жениха не найдет. Хотя она и так до сих пор не сговорена.

Странно даже...

Вот по соседям все даны уже помолвлены, кое-кто в ее возрасте и замуж вышел, а Адриенна — одна. Отец всем отказывает. И соседям, и знакомым...

Но в монастырь он ведь ее не отдаст? Правда?

Риен решила, что этот вопрос надо еще уточнить. И занялась тем, что умела и знала.

Надо было выбрать кобыл. Четыре штуки, на племя...

Конечно, так-то по ярмарке ходил отец. Крепко держал дочку за руку, не отпускал от себя, приглядывал как мог. А Адриенна приглядывалась к лошадям.

Вот ей приглянулась молоденькая, не старше двух лет, гнедая кобылка у торговца.

— Отец?

— Вон та? Давай посмотрим...

Торговец не был бы самим собой, не «перепутав» лошадей, но ту, которую подвели, Риен решительно отвергла. Еще и головой замотала:

— У нее мокрец, точно. Смотри...

— Да нет у нее мокреца! — взвыл лошажник, но Адриенна ловко подхватила лошадь за копыто.

— А это что такое?

— Ах ты жулик! Вон ту кобылку покажи! Живо!

Купец поник, понимая, что в его интересах сторговаться сейчас и быстро. А то ведь шум на всю ярмарку пойдет... сейчас он может продать своих лошадей даже с прибытком. А вот потом...

Гадкая болячка — копытная гниль¹.

¹ Мокрец сопровождается деформацией копыт, образованием гнойных язвочек, возникает при повышенной влажности в помещениях. (Прим. авт.)

Таким же образом Адриенна проглядела еще два десятка лошадей и наконец отобрала еще трех кобыл, достаточно крепких и здоровых. И плодовитых.

Она не знала, как именно у нее это получается. Вот как-то само собой выходит.

Видит она, видит, где больное животное, где здоровое, чего от него ждать... что тут неясного? Как-то... и глаза у лошади тусклые, и дыхание нехорошее, и шерсть не та...

И не только к лошадям это относится. Нет.

С людьми была совершенно та же история. Помнится, в детстве Риен едва не нажила врагов среди соседей... ну поняла она каким-то образом, что сосед болен дурной болезнью, не подошла к нему, когда тот хотел потискать девочку... хорошо хоть, у отца потихоньку спросила.

А то кто его знает, чем бы дело кончилось.

А сейчас Риен сидела рядом с отцом в таверне, жевала мясо, болтала ногами в воздухе...

— Папа, я ненадолго? На двор?

Дверь была открыта, нужник отлично виден из окна... отец и кивнул. Ну что, что может угрожать ребенку? Здесь же два шага...

Казалось бы...

Адриенна вышла за дверь.

А в следующий момент на дана вдруг вылился вонючий поток. Разносчица споткнулась, демонстрируя свои прелести в глубоком вырезе, да и облила его пивом. Нечаянно, конечно.

Но дан Марк все равно вскочил, дернулся... и только когда через десять минут Адриенна не вернулась, понял, что случилась беда.

Вскочил, заметался...

Было непоправимо поздно.

* * *

— Вот он, дрянь такая!

Адриенна даже сознания не теряла. Ей попросту зажали рот рукой — и потащили. Не особенно далеко, за сарай и в переулок. Аккурат к двум ромам, которые ждали свою добычу.

Ну да...

Вот у этих двоих она отцу отсоветовала покупать лошадей. Явно же крашенные... краденые?

И такое тоже может быть! У ромов это легко и просто, они считают, что воровать — это часть их веры. Если ром ни разу в жизни ничего не украл, его в их рай и не пустят.

А до рая их стараются не пускать вообще никуда.

В дома, в поместья...

На ярмарки пускают, но не везде. Где-то гонят и бьют. По мнению Адриенны — справедливо. Воровать — плохо, падре Санто так говорит, а он лучше знает.

— Ишь ты, какой голубоглазый... красивый ром будет!

— А не то глазки-то повынем. — Второй ром вытащил нож и приближался к Риен. — Пойдешь с нами добром? Или...

Воспитывай отец свою дочку как благовоспитанную дану, она бы растерялась. А так...

— Зачем? Зачем я вам?

— А что не так, мальчик? В лошадях ты разбираешься, сразу видно, да и не только в них. В кочевье пригодишься... и дану твоему козыю морду сделаем. Ты ж незаконный? Вот подумай, что тебя ждет, — вступил второй, тот, который был без ножа. — Всю жизнь в прислугах, на побегушках, своего — только что хозяин дозволит. А у нас свобода, вольный ветер, все дороги перед тобой, песня льется...

Если б Адриенна на это еще и повелась. Но вместо того...

— Ай-й-й-й-й!

Раненым зверем взвыл третий ром, который держал девочку. Потому что обута она была хоть и в сапоги, но далеко не дамские, мягкие и легонькие.

Она же изображала мальчика? Вот и одевалась соответственно!

Дублет, рубашка, штаны, а на ногах грубые башмаки. Одним из которых она и проехала душевно по ноге расслабившегося похитителя. Она же почувствовала, когда у него хватка стала чуточку полегче, — и ударила.

Жестко, коварно, по стопе, ломая тонкие косточки...
И вырвалась.

Ненадолго.

Аккурат до рома с ножом, который не успел ответить его в сторону. И Риен налетела на него рукой.

Порез на предплечье получился не опасным, но впечатляющим — длинным, корявым, кровь так и хлынула. Риен испугалась по-настоящему и отшатнулась.

Кровь, боль... и, конечно, крик. Руку девочка отдернула так, что разлетелись алые капли, попали на стены, на землю, на ромов...

— Ай!

Что случилось дальше, не поняла ни сама Риен, ни ромы. Но ровно через секунду кричали уже все.

Да как!

Дану Марку и искать никого не пришлось, на истерический крик дочери он помчался бы через любую бурю. И услышал бы, и узнал...

Только вот когда он влетел в переулок, ни спастись было некого, ни помогать...

Его дочь оседала по стеночке, с ужасом глядя на трех людей, которые корчились рядом. Корчились, хрипели... кричать они уже не могли. Вообще...

Даже стонать...

Их словно что-то пожирало изнутри, расплзались по коже громадные кровоточащие язвы, лица были уже неузнаваемы...

— Риен!

Дан Марк подхватил дочь и вынес из переулка.

— Цела?

— П-пап-па...

Адриенна протянула отцу раненую руку. Слезы у девочки катились градом...

— Потерпи, малышка! — Дан Марк мигом понял, что рана хоть и кровит, но для жизни не опасна. — Сейчас, секунду... что это за типы?

Он остановился у трактира, и один из слуг тут же протянул ему клочок от рубахи. Им дан и перетянул руку дочери, останавливая кровь.

— Н-не знаю, — заикалась Риен. — Ром-мы...

— Ромы? Кто этих тварей только пустил сюда!

Впрочем, гневался дан Марк впустую, отлично понимая, что пустили. И пускать будут. Это на свои земли он им дорогу навсегда закроет, а на чужие — как хозяева решат.

— П-папа... кровь...

— Ничего, детка. Мы сейчас к лекарю. Это рана не опасная, ты коленки серьезнее расшибала.

— П-правда?

— Да.

— Там столько крови было... и они кричали, и язвы эти...

— Они такие с самого начала были?

Дан Марк нахмурился, вспоминая. Тогда-то понятно, он родного ребенка спасал, ему не до ромов было, а вот сейчас... кто его знает, откуда и какую заразу принесли эти твари?

А если Адриенна...

— Детка?

— Н-нет. Они сначала нормальные были, а потом с ними вот это стало...

Дан Марк нахмурился еще сильнее. Задумался.

— Адриенна, это произошло после того, как тебя ранили?

Девочка, уютно пригревшаяся и успокоившаяся на руках у отца, кивнула:

— Да.

Она уже не боялась. Папа рядом, папа пришел, попробуйте теперь ее тронуть! На руках-то у отца!

Смешно!

— Они на тебя напали, а потом...

— Нет. Я вырывалась, а у одного был нож. И я налетела рукой...

— Ага. И полилась кровь.

— Да, папа.

— Молчи об этом, Риен. Молчи...

И столько серьезности было в голосе отца, что девочка испугалась. Уже не раны, а чего-то... жутковатого, необъяснимого.

— П-папа?

— Слово даю, детка, я тебе все расскажу. Только чуть позднее.

— Х-хорошо...

— А вот и лекарь. Молчи, Риен.

Сначала Адриенна боялась, что и с лекарем, который перевязывал и бинтовал ее руку, начнется что-то подобное.

Но седой старик смывал кровь с ее руки, накладывал швы, ворчал, что руку распахали — шрам на всю жизнь останется... и ничего с ним опасного не происходило.

Адриенна успокоилась.

А потом как-то и сгладилось, и забылось...

А что дан Марк напился в лоскуты в ту же ночь... бывает.

И что он повторял что-то про ворон и их отродье...

Спьяну, наверно. Чего уж там — спьяну и не то придумаешь.

* * *

Примерно в это же время, в столице

— Отец, я не хочу.

— Я понимаю. И поверь мне, я тоже этого не хочу. Но боюсь, что другого выхода у нас нет.

— Бред какой-то... в наше просвещенное время — колдовство, проклятие...

— Ты понимаешь, что об этом надо молчать?

— Да.

— Никому. Даже твоей великой любви.

— Отец, я...

— Не забывай, она достаточно суеверна. Начнет еще тебя бояться или кому проболтается, слухи пойдут... И вообще, есть вещи, которые женскому уму просто недоступны.

Сын кивнул.

С такой трактовкой он был согласен. Действительно, женщины — существа непредсказуемые. Мало ли что им в голову придет, так надо сразу же и делать... или не делать... сложно с ними! И без них плохо, но и с ними не лучше иногда.

— Я буду молчать.

— Вот и отлично. Я бы не настаивал, но династия вымирает. И если это наш шанс...

— А если нет?

— Через пару лет ты будешь знать ответ наверняка. Да или нет. И если нет... кто тебе помешает овдоветь?

Взгляды отца и сына встретились. Недобрые, змеиные... сын первый опустил глаза.

— Хорошо, отец. Я сделаю, как ты скажешь.

— Вот и отлично. И помни — молчание и еще раз молчание.

Сын помнил.

Не хотелось, конечно, но рано или поздно отец все равно настоит на своем. Проще согласиться сейчас, но поторговаться.

Итак, что именно он хотел?

Любимая женщина как раз просила участок земли рядом с городом. Вот — пусть отец расщедритса.

Мия

Дядюшку Джакомо Мия видела последний раз, наверное, лет пять назад. И помнила плохо.

Кажется, он был высоким.

Кажется, он был толстым...

Темноволосым, как отец? Нет, уже не вспомнить. Стерлось лицо из детской памяти. Вот и не признала, когда дядя вошел в зал. Четыре дня спустя после похорон.

И то!

Где Эврона, а где Феретти? Даже если гонец мчался что есть сил, даже если дядя спешил...

Два дня туда, никак не меньше. И пока там, пока обратно... получалось так, что спешили оба. Но не успели.

Отца уже не было на этом свете, и прах покоился в родовой усыпальнице Феретти, под полом храма, и мама заперлась у себя в комнатах, оплакивая горькую жизнь, а заодно, как предполагала Мия, примеряя вдовьи наряды...

Светловолосая, белокожая... ей к лицу были синие тона, но не все. Не каждый оттенок. Серый ей решительно не шел, а черный... черный — хорош. Но дорого.

Сама Мия повязала на лоб синюю ленту в знак траура и махнула рукой на одежду.

Дорого. Слишком дорого. А потому... такие же синие ленты остальным детям, а мать пусть делает что пожелает.

Дядя оценил обстановку мгновенно. И ленты — тоже.

— Боже мой! Какое горе! Неужели мой бедный брат...

Мия медленно встала из-за пялец.

— Добрый вечер. Дан?

— Мия, ты не узнаешь меня? Я твой дядя, Джакомо!

— Простите, дядюшка, последний раз мы виделись несколько лет назад, — извинилась Мия, понимая, что, кроме нее, никому... ан нет?

Мать, которая то ли увидела из окна, то ли услышала новости от Марии, выбежала из своих комнат.

— Джакомо! О Джакомо, наконец-то!

Почти слетела по лестнице со второго этажа, кинулась на шею Джакомо — и разрыдалась в голос.

Мия скрипнула зубами и кивнула нянькам. Мол, уводите детей! Мать рыдает, еще им разреветься не хватало! Думать надо!

И сами все уберите, без свидетелей обойдемся!

Спустя десять минут в просторном зале остались только Фьора, Мия, Джакомо и Энцо.

Фьора рыдала, Джакомо ее утешал, пока не заметил, какими глазами смотрят на это дети. Энцо... Тот смотрел спокойно. Даже слегка равнодушно.

А вот Мия...

Мия сама не знала, чего она больше желает.

То ли надавать матери затрещин, чтобы та перестала рыдать, то ли выкинуть их за дверь вдвоем с дядюшкой...

Именно в эту минуту девочка навсегда возненавидела социальные ритуалы.

Конечно, с ними проще. О покойном принято плакать, женщина должна быть слабой, мужчина должен ее утешать, Джакомо теперь старший в роду, и это надо признавать...

Но боже мой, какое же это лицемерие!

И как же остро это почувствовала Мия!

Энцо не кольнуло настолько остро, но и он подумал, что мать... сначала она не нашла в себе сил даже прийти к отцу, хотя тот желал ее видеть, а теперь... Теперь она рыдает на груди у его брата. В новом платье. Сером, но с черной оторочкой, которое ей очень к лицу. И рыдает красиво, так, что нос не краснеет, только слезинки катятся по бледным щекам...

В эту секунду Энцо понял, что его жена такой не будет. Он женится только на сильной женщине. Чтобы его дети никогда вот так не стояли... мало ли что случится в жизни?

Никогда!

Пару минут Джакомо еще терпел, а потом аккуратно отодвинул от себя Фьору.

— Присядь, дорогая сестра. Вот так... да, в это кресло...

— О-о-о-о-о... это кресло Пьетро...

Джакомо скрипнул зубами, но Фьору погладил по длинным светлым локонам, которые согласно обычаю заплели в две толстые косы. Вдова...

— Не сомневаюсь, он был бы не против. Расскажи мне, дорогая сестрица, как все произошло?

Вместо ответа Фьора разразилась слезами. Мия подошла к двери и резко распахнула ее.

— Ах, ты... подслушивать?!

Мария, с подносом в руках, только ахнула.

— Что вы, дана! Я бы никогда... я вот... горячее вино с пряностями...

Мия понимала, что вино можно было бы и быстрее принести, да и под дверью стоять не обязательно, но ладно уж...

— Поставь поднос и выйди вон. Еще раз увижу под дверью — уволю.

И сама, лично, закрыла дверь за служанкой. Потом повернулась в дядюшке.

— Горячего вина, дядя Джакомо?

— Пожалуйста, Миечка, поухаживай за мной...

Мия не стала спорить.

Она налила вино в бокал, лично поднесла дяде вместе с большим блюдом... кто-то понял, что гость будет голоден, и на подносе стояла тарелка с ломтями ветчины, сыра, хлебом...

Джакомо пил вино, жевал ветчину и оглядывался по сторонам.

Да, он здесь не был уже лет пять. Феретти, дом его предков... загаженный до предела. Обедневший, пыльный... тростник на полу! Боги, даже у него на полу — ковры! Хотя отец Катарины купец, и не из бедных!

А тут даны...

Но что с того титула, когда в кармане ветер свищет? Как второй сын в семье Джакомо должен был выбрать военную карьеру. Он мог пойти в гвардию, мог служить при дворе, но ему этого совершенно не хотелось.

Придворная жизнь дорогая. Где взять деньги? Каждый выкручивается по-своему.

Кто-то играет, кто-то находит себе богатую вдову и живет с ней, кто-то... Единицы делают карьеру. А сколько умирает? Сколько остается в неизвестности?

Если бы Джакомо пообещали, к примеру, что при дворе короля Филиппо Третьего он сделает карьеру, он бы не задумался. Но когда гарантий никаких нет, да и вообще, ты служи, а мы посмотрим... нет, так он не согласен.

Да и сложно при дворе его величества.

Чины король раздавал охотно, титулы тоже, так Джакомо и без того дан. А вот земли и деньги — простите. Казне нужнее.

Джакомо за родную страну радел, конечно, в сильной стране оно куда как приятнее жить, нежели в слабой. Но богатым жить приятнее в любой стране. А денег он при дворе не получает.

Вот и женился на Катарине Лаццо.

Нельзя сказать, что он безумно любил невесту или был невероятно счастлив. Перестарка взял. Страшную, тощую, длинноносую, с редкими зубами и волосами, да еще и с бородавками по всему телу... никакого сравнения с очаровательной Фьорой.

Зато Фьора в приданое только себя принесла. Ну с десяток ложечек серебряных. Достаток, как же!

А Фредо Лаццо, отец Катарини, взял Джакомо в свое дело. Учит, наставляет, как родного сына принял. Да и Паскуале, его сын, не против зятя.

Хорошо они дружат.

Коли на то пошло, каждый уважающий себя купец обязан содержать куртизанку. Снять ей дом, обеспечивать, посещать... тут даже Катарина не возражает. Если

так не поступать, все решат, что он, Джакомо, страдает мужским бессилием. Нельзя так, чтобы у мужчины только супруга была, нельзя!

Так тесть по-отечески посоветовал, и куртизанку подобрать помог, и с домиком тоже... и он куртизанку содержит, и Паскуале — куда деваться?

И не ругается. Понимает...

Пьянок-гулянок Джакомо не закатывает, Катарину уважает, та ему хоть детей и не родила, так что же? Случается... жена на богомолья ездит, вот Джакомо свое и берет.

Хорошо он устроился. А брат все какую-то чушь несет... нес.

Вот и поругались в последний раз. А сейчас и помириться не с кем. И как-то тоскливо стало...

Мия рассказывала, как отец поехал на охоту, как на него из камышей кабан выскочил, как умирал дан Феретти, а Джакомо слушал и понимал, что грядут серьезные проблемы. Потому как... нет у него выбора. Брат бы так же поступил, ну и ему придется.

Он дослушал девочку, допил вино и подвел печальный итог:

— Фьора, мне очень жаль, сестра. Когда вы сможете начать сборы?

— Сборы?

Фьора широко открыла глаза. Большие, красивые... вот кого бы в любовницы, но нельзя. Инцест. За такое церковь четыре шкуры сдерет.

— Вам придется переехать ко мне, в Эвруну, — объяснил Джакомо. — Жить здесь вы просто не сможете.

Мия сдвинула брови. Кажется, девочка хотела что-то сказать, но боялась, что ее оборвут. И не по возрасту рот открывать, и не принято это — за благородную

дану должны мужчины думать. Джакомо примерно так и считал. Но если девочка смогла руководить и похоронами, и поминками, и всем остальным, и ему сообразила отписать — не такая уж она и дура?

В купеческом сословии, знаете ли, чуточку иначе дело обстоит. У ньюр свободы немного побольше. Им и выходить можно, и дела вести они могут, не напрямую, конечно, это не принято, но через управляющего, и мужчины к ним частенько прислушиваются.

— Что ты хотела сказать, Миечка?

— Собрать вещи не так сложно. Но что будет с домом? Слугами? Это наследство Энцо, и мне хотелось бы, чтобы тут все было в порядке.

Джакомо уважительно взглянул на девочку.

Практичная.

Если и дальше будет такой же умненькой, то свою судьбу она всяко устроит. Это братец Пьетро был против брака с ньюром. А вот Джакомо сейчас думал, что Мия станет выгодным вложением капитала.

Если гонор поубавить, то ее многие в жены захотят.

— Я не прошу собираться и выезжать уже завтра, — пожал плечами Джакомо. — Пьетро сам вел дела поместья?

— Да, дядя Джакомо.

— Мне потребуется не меньше пяти дней, чтобы во всем разобраться. А потом сможем и уехать. Надо будет подобрать хорошего управляющего, часть слуг придется уволить, часть останется, чтобы следить за домом, придется наезжать, проверять их... м-да. Хорошо, если в пять дней уложимся. Завтра отпишу супруге.

— А сегодня, дядя Джакомо, полагаю, вам надо выспаться. Ванная готова, и комната ваша тоже готова.

Распоряжения Мия отдала, еще пока дядя с матерью обнимался.

Джакомо уважительно поглядел на девочку и поднялся.

— Благодарю, Миечка. Тебя не затруднит проводить меня?

— Да, дядя.

— Да, Миечка. Пожалуйста...

— Мама, а Энцо проводит тебя в спальню. Тебе пока еще нельзя нервничать. И вставать вредно.

— Ты у меня умничка, дочка...

* * *

Конечно, не просто так Джакомо попросил Мию проводить его.

— Мия, ты пыталась разобраться в бумагах отца?

— Да, дядя.

— Тогда завтра помоги мне. Насколько я помню, Пьетро никогда не умел вести дела.

— А вы не хотите с утра сходить в склеп? Попрощаться?

Джакомо и не подумал смущаться.

— Не хочу. Я сделаю это перед отъездом, сейчас я продрог, устал и, если еще завтра промерзну, точно заболею.

Мия кивнула.

Да, дядя оставался дядей. Вот отец бы точно сначала кинулся в склеп. А дядя предпочитает ванную, вино, поспать, заняться делами, а потом уж можно и чувствам поддаться. Если они вообще есть, те чувства.

Вот она, разница подходов. И понятно, почему дядя Джакомо не мог найти с отцом общий язык. Куда уж тут...

Только вот сама Мия отлично и понимала, и одобряла дядю.

Адриенна

— Папа, что это было?

— Что именно, дочка?

— Вчера, когда ромы меня похитили... что с ними случилось?

Дан Марк опустил глаза.

— Дочка... давай не будем об этом пока говорить.

— А все же, папа? Мне кажется, я должна об этом знать?

Дан Марк вздохнул. Притянул к себе дочку, обнял ее покрепче.

— Адриенна, я тебе когда-нибудь отказывал?

— Нет, папа.

— Тогда просто поверь мне сейчас. Есть вещи, которые тебе еще рано знать. Не потому, что ты глупая или маленькая, а потому, что даже мне их знать не стоило бы.

— Даже если эти вещи происходят со мной? С твоей дочерью?

— Даже так. Я обещаю, я расскажу тебе все, когда придет время.

Этот вариант Адриенну решительно не устраивал.

— Папа, а нельзя мне хотя бы намекнуть? Ну так... мало ли что?

Дан Марк помолчал какое-то время. А потом решил.

Действительно, все мы смертны, все под Богом ходим. А так девочка хоть знать будет, о чем идет речь. Сможет что-то да отыскать.

Хоть намек ей дать.

— Это старая сказка, Риен. И подчеркиваю — только сказка.

— Да, папа.

— А если я узнаю, что ты ее где-то пересказала, — выпорю.

— Да, папа. — Эту угрозу Адриенна всерьез не приняла.

— И замуж выдам.

— Не надо! — Вот этого Адриенна уже побаивалась.

— То-то же. Так вот, Риен, это очень старая сказка. Когда-то в одной стране жил юный и прекрасный король. Он однажды поехал на охоту, как это водится у королей, и конь его захромал. Его величество отстал от охотников...

— Папа, а это вообще возможно?

— В сказке? Конечно.

Адриенна кивнула. И даже хихикнула. В сказке... попробуй кто в жизни короля потеряй! Как же!

— Так вот. Его величество остался один. И встретил в лесу прекрасную девушку. Она сидела на берегу реки и напевала песню. Увидел ее король — и влюбился, потому что прекраснее ее в жизни не видел. Встал на колени и предложил деве выйти за него замуж.

— И та согласилась?

— Да, Риен. Она согласилась, и пришла с королем во дворец, и прожила с ним сто долгих лет. Родила ему сына. А когда его величество умер — ушла. И только на полу в его спальне нашли несколько черных перьев.

— Откуда?..

— Говорят, та девушка была лесной ведьмой. Она обернулась птицей и улетела. Говорят... Говорили. Следующий король пресекал такие разговоры о своей матери. Да и затихли они вскорости, потому что люди заметили иное. На землях королевства воцарился покой и достаток. Плодовиты были поля, обильны урожаи, женщины рожали здоровых детей, а болезни обходили королевство стороной. И оно стало богатеть не по дням, а по часам.

— Почему, пап?

— Говорили, что та девушка была лесной феей. И она благословила и землю, и своих потомков. Она благословила землю, на которой станут править ее потомки.

— Так ведьмой или феей?

— Если королевство процветало?

— Тогда она была доброй. А ведьмы злые.

— Вот и люди так решили. И в память о той женщине до сих пор никто не стреляет черных птиц. Никогда.

Риен кивнула.

Это она знала. Те же вороны, кстати, обнаглели от такой безнаказанности до полного озверения!

— А что было дальше, папа?

— Дальше было плохо, дочка. Пока на троне сидели потомки лесной девы, королевство богатело. И вызвало зависть у соседа, который пошел войной. И победил. Завоевал королевство и присоединил к своему.

— Гад!

— Такова жизнь, малышка. Если ты живешь хорошо, всегда найдутся завистники.

— А если живешь плохо — те, кто над тобой позиздевается.

— Поэтому жить надо так, чтобы уметь себя защитить. Но сейчас разговор о том, что королевство было завоевано, а законный король убит.

— Ой...

— Говорят, что до сих пор на поле его последней битвы не растет ничего. Так его и называли — Черное поле. Только ветер там гоняет прах. Говорят, что после смерти короля недолго прожил и его убийца.

— Другой король?

— Нет, Риен. Тот король не воевал сам. Он победил предательством и ударом в спину, такое тоже бывает.

Подкупил королевского друга, и тот убил своего сюзерена. И умер. Сгнил заживо.

— Как те трое?

— Страшнее, Риен. Намного страшнее. Но короля этим было не вернуть.

— Все равно! Поделом предателю!

Дан Марк кивнул. Вот с этим он был согласен. Поделом...

— Говорят еще, что иногда благословение лесной девы защищает невинную кровь...

Риен кивнула.

— А мне она помогла, потому что я невинна?

— Не знаю, дочка. Не знаю.

— Хорошо, что она мне помогла, — зевнула Риен. — Я бы сама не отбилась.

Дан Марк уложил дочку спать. И радовался, что ей пока хватило. Потому что у истории было продолжение. Увы.

Говорят, что, когда отгремела битва, на следующий день король-победитель проснулся с диким криком. Потому что во сне к нему пришла лесная дева.

И была она в образе полуптицы.

Гневной, черной...

И прокляла короля.

«Ты пролил мою кровь, ты не будешь знать покоя во веки веков. Ты будешь хоронить своих детей, ты будешь видеть их болезни и мучения, ты будешь страдать, глядя на беды, которые придут на твои земли. И так будет, пока на троне вновь не окажется мой потомок».

И так случилось.

Все дети короля-завоевателя умерли. Остался лишь один сын, и тот всю жизнь страдал от болезней. И у него был тоже только один сын. А остальные дети

умирали в младенчестве. И внук у него был тоже только один. И тоже больной и несчастный.

И страну трясло, как в лихорадке.

Не эпидемия, так голод, не голод, так наводнение, не наводнение, так засуха и неурожай... не знаешь уж, в какую церковь и бежать.

Кстати, церковь как раз поддержала завоевателя. Только вот счастья ей это не принесло. Подлость еще никого не осчастливила.

Первое, что сделал завоеватель, — это отписал в свою пользу примерно треть церковных земель. А там, примерившись, и еще треть. И остатка, мол, вам хватит!

Но это о плохих героях.

А говорили еще и другое. Что у погибшего короля был внебрачный ребенок. Только вот кто он, где он... этого не знал никто. Почти никто.

Вот если бы он сел на трон или его потомки...

Проклятие было бы снято. Наверное.

Кто в наши дни верит глупым сказкам?

Адриенна не верила. Она спала.

А дан Марк верил. И спать не мог. Потому что доля истины, увы, в сказке была. И ничего хорошего это Риен не сулило.

Мия

Ньора Катарина не понравилась девочке сразу.

Высокая, худая, носатая. И на мать она посмотрела так, что сразу ясно — нелюбовь эта взаимна. Впрочем, Фьора выглядела великолепно. Как и всегда.

Везде, в любой ситуации Фьора была прекрасна. Даже сейчас, растрепанная, усталая, в дорожной пыли, в простом платье...

Вот в роскоши Катарина выигрывала. И платье у нее было из оранжевого бархата, и убор с полудрагоценными камнями, а все равно — как на пугале.

— Добро пожаловать, — процедила ньора Катарина. — Я рада приветствовать вас под крышей своего дома... нашего дома.

Фьора на такую оговорку и в лучшие времена внимания бы не обратила. Порхнула к Катарине, обняла ее, расцеловала в обе щеки...

— Ее сейчас стошнит, — прошептал Энцо на ухо Мие.

И верно, выражение лица Катарины было неопишимо.

— Дорогая сестра! Я знала, что вы не оставите нас в беде!

Энцо хрюкнул, уткнувшись в плечо сестры. Джакомо наблюдал за этим цирком со сложным выражением лица.

В том-то и дело, что Фьора не издевалась. Она все приняла за чистую монету и вела себя соответственно. И благодарила Катарину тоже от души.

Несколько минут ньора смотрела на эданну Феретти, а потом только головой покачала.

— Идем... сестрица.

Но голос ее был уже намного мягче. И спокойнее.

Понятно, когда в твой дом приходит такая ослепительная красавица, волноваться будешь. А вдруг она еще и стерва, каких свет не видывал?

Ан нет.

Просто глуповатая эгоистка. Красивая, но что от той красоты? Отцветет и погаснет. А вот ум останется... так утешают себя умные женщины.

Только вот помогает не всегда. Но сейчас получилось.

Джакомо проводил их глазами и повернулся к детям.

— Давайте вылезайте, малышня...

Мия полезла из кареты первой. За ней уже и младшие.

* * *

Такой роскоши девочка еще не видела.

Дома?

Дома у них было достаточно бедно. Даже в покоях у отца. У матери... нет, не то.

А здесь!

Мия искренне удивилась, что на первом этаже нет окон. Только на втором. Но ей объяснил дядя Джакомо:

— Так все делают, чтобы не привлекать воров.

Небольшой сад, ухоженный настолько, что, наверное, для этого человек пять садовников требуется. Трава подстрижена чуть ли не по травинке, розы цветут, вазы шикарные, скамеечки...

— Будете здесь гулять и играть. Я распоряжусь, чтобы вам отвели уголок, — с сомнением оглядел садик дядя.

Мия тоже сомневалась.

Дома она была намного свободнее, а здесь?

Здесь придется соблюдать правила для благородных дан и никуда даже не выходить. Разве что в церковь, и то не часто.

Но, может, есть какие-то обходные пути? Это Мия выяснит позднее. А пока... выспаться бы. После кареты все тело болело, да и младшие капризничали, им тоже было плохо. Но ньюра Катарина позаботилась обо всем.

На втором этаже были отведены комнаты для всех.

Для Энцо — он мальчик. Для Мии — она старшая.

Для двух младших — они пока могут пожить вместе. Но комната Мии соединялась дверью с их комнатами.

На всякий случай.

Рядом — покои для матери. Две комнаты — спальня и гостиная. В гостиной есть диванчик для служанки. Марию мама все-таки взяла с собой. Марию и нянюку для младших.

Сейчас в комнатах были приготовлены кувшины с горячей водой — обтереться, тазики, полотенца... Мия так и поступила. Стерла с себя какую-то часть дорожной грязи и рухнула в кровать.

Завтра, все завтра...

* * *

— Прости меня, дорогая. Я понимаю, тебе это неприятно, но выбора у меня не было.

Джакомо сидел рядом с супругой. Он уже искупался, а теперь кушал и рассказывал Катарине о том, что увидел в доме Феретти.

Катарина отмахнулась.

Все было именно так. И ей это не слишком приятно, и выбора у Джакомо не было. Увы. Хотя она и не удержалась:

— Неужели нельзя было нанять им управляющего? И пусть живут.

Джакомо только руками развел, не забыв по дороге сунуть в рот ломоть мяса, щедро намазанный острой приправой.

— Ты помнишь, Кати, из-за чего мы поссорились с Пьетро, земля ему пухом.

— Ты говорил, Жако, — ласково сократила Катарина имя супруга. Что ж, неприятные решения тоже иногда надо принимать. А Джакомо явно подлизывался, показывал, что она главная в доме...

Катарина тоже неплохо знала своего мужа.

Будучи дочерью купца, она умела считать. Да и отец ей объяснял, что муж мужу рознь. Он, конечно,

постарается найти такого, чтобы уважал его девочку, но свою ведь голову не приставишь. И не объяснишь каждому, что жену уважать надо — тогда и мир в доме будет, и сам дом стоять будет.

На многое, конечно, Катарина не рассчитывала. И Джакомо оказался подарком Небес.

Нельзя сказать, что он был таким уж красавцем. Не слишком высокий, ей примерно до плеча, полноватый, немного нескладный — с первого взгляда.

А со второго?

Хватило ж у него ума заинтересовать ньора Лаццо, который не страдал излишней доверчивостью. И не просто заинтересовать, а настолько, что отец решил ввести Джакомо в семью.

Катарина иллюзий не питала. Конечно, муж женится из соображений выгоды. Но даже так... вести себя можно по-разному. Она ведь будет в полной его власти. Приданое он получит, а дальше...

Даны... они такие даны.

Ан нет.

Ухаживал Джакомо красиво и почтительно. И если подруги сначала хихикали, глядя, как мужчина подает ей святую воду или бросает под ноги бутоны цветов, то потом стали завидовать.

Дан.

Это многое значит.

Конечно, даже выйдя замуж за дана, Катарина останется ньорой. Но дети ее будут данами.

Кстати — если бы Мия, будучи даной, вышла замуж за ньора, она бы даной осталась. А вот дети ее были бы ньорами, и никак иначе.

Подруги завидовали.

Катарина нервничала. Мужчина ДО и мужчина ПОСЛЕ свадьбы — это разные мужчины. И кто знает, как поведет себя Джакомо.

Но...

Джакомо честь по чести обвенчался с ней в храме. Настало время первой брачной ночи.

Катарина боялась. Старалась не подавать вида, но боялась. А муж был почтителен и ласков. Сам потушил свет, чтобы она так не переживала, обнял ее, уговаривал... и вовсе это было не так страшно, как говорят.

Больно в первый раз, неприятно, но и только. И потом ей даже противно не было.

Катарина оценила. Подруги жаловались, бывало. У кого-то мужья приносили дурные болезни, кого-то поколачивали, у кого-то были исключительно наглые любовницы... разве что две подруги вышли замуж по любви. Но и там все вышло не так гладко.

Джакомо оказался идеальным мужем.

Приданое он вложил в дело ее отца и старался помогать по мере сил. Точнее, даже забирать деньги из дела не стал. Попросил, чтобы Катарине выделяли на содержание дома, а ему определенную сумму в месяц на прожитие, а остальное пусть работает. Так что даже ньюр Лаццо оценил — и порадовался за дочь. Дом он отдал на откуп Катарине и в ее дела не встревал.

Детей не было — жаль. Но племянников Катарина любила. И подарки им дарила с удовольствием. А сама...

Не дает Бог. Такое тоже бывает.

Про любовницу супруга Катарина тоже знала. Но так принято. И девка знала свое место, ничем не оскорбляя ньюру Феретти. Единственное, что мешало картине безоблачного счастья женщины, были иногда появляющиеся у мужа деньги. Достаточно крупные суммы, которые он клал в банк. Катарине он покупал украшения, давал деньги на расходы, но... откуда?

Откуда у него эти деньги?

Катарина как-то спросила, муж зарделся и признался, что иногда... нет, не часто, дорогая, но к сожалению, это бывает. Я склонен к игре.

Раз в месяц, может, раз в два месяца, но Искуситель приводит Джакомо за игорный стол. Поэтому ему и не надо много денег — так он меньше проиграет. Если он проигрывает — это только то, что при нем. Если выигрывает, то дорогая Кати все видит сама...

Пусть супруга его простит за эту маленькую слабость...

Катарина простила.

Не бывает мужчин без пороков. Вот и у Джакомо он оказался. Что ж. Это не так страшно, она знала людей, которые состояния проигрывали. Не могли остановиться. А ее муж может. И знает о своей слабости. Это уже хорошо.

Что до родни мужа — Катарина их и видела-то два раза. Первый раз, когда дан Феретти приехал к ним на свадьбу и сидел весь вечер с таким кислым лицом, словно испорченную устрицу скушал. Но тогда самой Кати было не до него.

Второй раз — три года спустя. Дан Феретти был в столице по каким-то делам и остановился у них проездом.

Катарине он показался донельзя глупым и напыщенным, но выводами с мужем она не поделилась. А когда лет пять тому назад братья поссорились, даже и грустить по этому поводу не стала.

Данов много! А торговых дел, таких, как Дом Лаццо, куда как меньше.

Обойдутся они без Феретти!

Так и вышло. А вот Феретти без них не обошлись, увы.

И сейчас Джакомо честно рассказывал:

— Мой брат запустил поместье до полного разорения. Туда придется вкладывать бешеное количество денег.

Катарина подняла брови. Мол, откуда? С твоих выигрышей? Или как?

Джакомо качнул головой.

— Я этого делать не собираюсь, Кати. Попрошу твоего отца, пусть посоветует грамотного управляющего. Просто не станем брать с крестьян никаких денег следующие лет пять. Или даже десять. Энцо сейчас девять лет... ладно, до его пятнадцатилетия. Пусть поживут спокойно, авось и жирок отрастят. А там посмотрим.

— Я тоже поговорю с отцом, — благосклонно отнеслась к решению мужа Кати. — Тут надо подобрать умного человека, который не станет воровать. А может, захочет потом остаться в Феретти на службе у твоего племянника?

— Не станет воровать — без меры, — уточнил Джакомо, усмехнувшись. Бывают управляющие, которые не воруют. Бывают, наверное. Но почему он ни разу таких не видел?

Супруги переглянулись — и весело заулыбались. Они действительно отлично понимали друг друга.

Любовь? Страсть?

Безусловно, отличные вещи. Только очень часто проходящие. Или вообще проходящие мимо.

А вот дружба, уважение, взаимопонимание могут оставаться надолго. На всю жизнь. И весьма ее облегчить. Если, конечно, приложить усилия. Но супруги были благодарны друг другу и старались.

— Хорошо. С поместьем так и решим. И если ты захочешь что-то туда вложить, дорогой, поговори с отцом. Папа подскажет, что и как будет лучше.

Джакомо кивнул.

— Я пока ничего не планирую, Кати. Но если решусь — обязательно. Лучше твоего отца мне совета не даст никто.

Катарина расцвела в улыбке. И тут же погасила ее. Кстати — не зря. Улыбка ее уродовала так, что страх сказать было. Показывались редкие зубы, самым причудливым образом разбегались бородавки, появлялись морщины...

Что уж там!

В первую брачную ночь Джакомо потушил свет, не только чтобы сберечь стыдливость невесты. В темноте можно себе было хоть что-то представить. И то время для настроения потребовалось...

— А остальные? Я правильно понимаю, что, когда мальчику исполнится пятнадцать...

— Надо будет подобрать ему подходящую невесту и отправить в поместье. Лучше бы такую же умницу, как ты. И с такой же прекрасной душой. Но это очень большая редкость.

Катарина польщенно улыбнулась.

Знал муж, как сделать ей комплимент. Отлично знал. Хвалил он ее внешность, не поверила бы.

— Я подумаю. Время пока еще есть.

— Вот и замечательно. Что до эданны Феретти... Катарина, милая, начинай через месяц брать ее с собой в церковь. А до той поры предлагаю распространять слухи, какая она очаровательная, скромная, милая...

— Джакомо?

— Не уверен, что она еще раз выйдет замуж. Но покровителя найдет легко. И тот снимет Фьюру Феретти с нашей шеи.

— И ее детей?

Джакомо забавно сморщил нос.

— Вряд ли. Кати, ты приглядишься к Мие. Малышка хоть и похожа на мать, но весьма и весьма неглупа. Даже и не знаю, в кого такое чудо уродилось, братец мой тоже умом не отличался...

— В дядюшку? — невинно поддразнила мужа Кати. Джакомо только фыркнул.

— Кати, дорогая, выбирая между тобой и Фьорой, я бы всегда выбрал тебя. Только тебя. Поверь, внешность — не главное. Та же оспа может изуродовать дану Феретти так, что от нее кони шарахаться будут. А твое доброе сердце и светлая душа — они всегда при тебе.

И поцеловал супруге руку.

Нежно так, ласково...

Катарина покраснела.

— Жако, конечно, девочка в тебя. Весь ум, отпущенный семье Феретти, ты унес с собой. И я так рада, что мой отец согласился на твое предложение...

— И я рад, — признался Джакомо.

И ведь не лгал, подлец.

Жену он взял по расчету. А деньги — по чистой и нежной любви.

— Так вот, дорогая, приглядишься к Мие. Она действительно неглупа и свою выгоду может понять. А среди торговых партнеров твоего отца наверняка найдется кто-то... молодая жена, дана, из приличной семьи, красивая, умненькая... бесприданница? Бывает и такое. Но если она вторая-третья по счету, какая разница? Наверняка ты знаешь нескольких достойных вдовцов.

— Пойдет ли дана за ньора?

— Фьора упоминала, что Мия еще не стала девушкой. Так что год у тебя есть. Посмотри, подумай, но мне кажется, что монастырь или место приживалки при племянниках ей будут не по вкусу. А если не супруга, так любовница... о, Кати, прошу тебя! Я знаю,

что дамы в курсе многих событий, происходящих в Эвроне. Ты же умничка и понимаешь, что любые обстоятельства надо обернуть нам на пользу. В идеале — нам и семье Лаццо.

Катарина кивнула.

Муж был прав, как и всегда. Что ж...

— Хорошо, Жако. Я поговорю с подругами и приглажусь к девочке. А младшие?

— Пока — глина. Лепи что пожелаешь. Чистый лист.

Катарина задумчиво повертела в руках четки.

— Но при правильном воспитании пользу может принести каждый. Жако, ты меня убедил. Я пригляжусь к девочкам, обещаю.

— Кати, родная, я всегда в тебя верил.

— Я пойду спать, — поднялась из-за стола ньора. — Завтра будет тяжелый день.

Джакомо тоже встал.

— Дорогая, я умоляю простить меня... я с дороги и безумно устал. Но если ты разрешишь мне прийти сегодня... хотя бы спать с тобой рядом. Я так люблю обнимать тебя, и знать, что ты со мной, слушать твое дыхание, чувствовать твой аромат...

Катарина покраснела.

— Я буду счастлива, Жако.

И быстро ушла к себе.

Джакомо улыбнулся ей вслед и вернулся к столу. Да, в юности он сделал верный выбор. Бабами очень легко управлять, зная, как они устроены. Если бы он сказал, что устал и в ближайшие два-три дня ни на что не способен, супруга могла бы обидеться.

А поменяй формулировку? И Кати счастлива.

Ей надо быть спокойной и счастливой, потому что иметь дело с эданной Феретти — это жуть жуткая, забываемая. Вот ведь...

И у братца ума было что в пустом шлеме, и у его супруги так же... убил бы! Действительно интересно, в кого у них старшая девчонка пошла?

Страшное сочетание, умница и красавица, мужчины в очередь выстроятся, чтобы ее только увидеть. И этим тоже можно будет поторговать...

Что-то получить, где-то выиграть... он еще с Фредо Лаццо поговорит, вот уж кто умен, так это тесть. Конечно, поделиться чем-то придется, но это уже мелочи. Главное, самому Джакомо почти ничего и делать не придется. А это хорошо, это очень хорошо.

* * *

Мия проснулась утром с ощущением чего-то неправильного.

Неприятного...

Внизу живота болело, тянуло, она ощущала себя разбитой и измученной...

Что происходит? Что с ней такое? Она заболела?

Девочка откинула одеяло, собираясь выбраться из кровати, и с ужасом уставилась на пятно крови.

Она поранилась?

Но... когда?! И чем? И... и как?! Где рана?

Может, через пару минут она бы и сообразила, но дверь в комнату стукнула. Вошла мама.

Очаровательная, как и всегда, серое платье только подчеркивает блеск золотых волос...

— Мия, уже почти вечер. Все давно проснулись, мы начали за тебя беспокоиться...

Взгляд Фьоры упал на простыню.

— Ах вот оно что? Ты стала девушкой...

Теперь Мия и сама сообразила. Но... неприятно же!

И живот болит!

— Мама, это всегда так?

Фьора сморщила носик.

— Да, дорогая. Всегда.

— Больно...

— Я понимаю, Миечка. Сейчас я прикажу служанке принести тебе все необходимое и помогу в первый раз.

Мия кивнула с благодарностью.

Фьора, конечно, своеобразный человек. Но здесь и сейчас весы качнулись в сторону Мии. И это радовало. Эданна Феретти отдала приказания, потом вернулась к дочери и приобняла ее.

Мия благодарно ткнулась лицом ей в подмышку.

— Мамочка...

— Все хорошо, Миечка. Это со всеми бывает, это случается. Рано или поздно все девочки становятся девушками...

Служанка принесла специальный передник и что-то еще, положила на стул и вышла вон. Фьора продолжала уговаривать дочь:

— Неприятно, конечно, но зато теперь ты можешь выйти замуж, можешь рожать детей...

— Не хочу, — фыркнула Мия.

— Рано или поздно захочешь. Пойдем, я покажу тебе, как это надевается...

Фьора уже успела встать, выпить горячего отвара из лепестков роз с булочками, поболтать о том о сем с ньорой Катариной и найти ее пусть страшной, но полезной.

А почему нет?

С ней вполне можно сходить в церковь.

С ней можно нанести даже некоторые визиты. Это дане не подобает разъезжать где захочется, но для вдов правила другие. Тем более в Эвроне.

А еще... рядом с ньюрой Катариной Фьора будет сиять, словно солнце. Она и так очаровательна, а будет вообще великолепно!

М-да...

Только Мия...

Фьора не была слепой и отлично видела, что дочь превосходит ее во всем. Ум, внешность, характер... Если Фьора появится рядом с Катариной, она будет королевой. Если Фьора появится рядом с Мией, все восхищенные взоры достанутся дочери. Увы, это приходится принимать. Мия молода и очаровательна, ей всего двенадцать лет. Фьоре уже двадцать семь... какое ужасное число!

— Ой!

Задумавшись, Фьора слишком сильно дернула завязки передника. Специального, кожаного, который надевался под юбку и призван был беречь ее от пятен крови — мало ли что?

Мия вскрикнула от неожиданности.

И в эту секунду Фьора заметила...

Лицо девочки словно бы поменялось. На долю секунды черты Мии стали более размытыми, словно смазанными, маленький носик раздался вширь, глаза стали вовсе уж огромными, расползся рот...

— МИЯ!!!

— Мама?

Девочка испугалась выражения лица Фьоры. Серьезно испугалась. Никогда на ее памяти мать так не выглядела.

Бледная, с мгновенно выцветшим румянцем и словно бы провалившимися глазами...

— Мама, что-то не так?!

Не так?!

Не так было все! Потому что от испуга поменяли цвет и волосы Мии... были светлыми, как у Фьоры, а стали вдруг ярко-рыжими...

Каким чудом женщина взяла себя в руки?

Как не закричала, не забилась в истерике... впрочем, такое случается даже у самых отъявленных трусих: в какую-то секунду разум берет вверх над чувствами.

А может, горло перехватило.

Но девочку, которая готова была уже бежать из комнаты, Фьора тоже перехватить успела.

— С-с-с-стой...

Мия замерла на месте.

— Мама?!

— Сейчас-с-с-с... отпус-с-с-тит... — Фьора шипела на выдохе, словно змея.

— Что случилось?!

— Миечка, ты сядь, успокойся... приди в себя.

Фьора коснулась пояса. Там, в золоченом чехольчике, висело маленькое зеркальце. Подарок супруга. Сейчас оно пригодится.

— Да, мама...

Мия постепенно успокаивалась, посветлели волосы, вернулись прежние точеные черты личика. И если бы не испуг, Фьора могла бы подумать — привиделось.

Но...

Слишком силен был старый страх, чтобы сейчас она позволила себе так думать.

Не привиделось и не забудется, и молчать об этом нельзя. И сказать надо так...

— Мия, возьми зеркальце, посмотри на себя.

— Да, мама...

— А теперь попробуй представить себя с черными волосами.

— Зачем?

— Мия, попробуй. Пожалуйста.

— Ладно...

Девочка поглядела в зеркало, сосредоточилась. А в следующий миг звякнул об пол металл, вскрикнула Мия, вовремя заглушенная матерью.

Светлые волосы девочки быстро чернели. Правда, отдельными прядями, но Фьора понимала, что это дело наживное. Просто Мия пока ничего не умеет...

Только вот она научится. Они все этому быстро учатся.

— Чш-ш-ш-ш-ш-ш!

Несколько минут Мию пришлось просто держать, чтобы девочка не забилась в истерике. А потом Фьора поняла, что дочь обмякла, успокаивается, да и волосы стали светлеть.

Конечно, сейчас это ненадолго...

— Мама?

— Миечка, ты пришла в себя?

— Да, мама... что это?! — почти стоном вырвалось у девочки. — Мне показалось?!

— Нет, детка, — грустно отозвалась эданна Феретти. — Тебе не показалось. Ты действительно перевертыш.

* * *

Мать и дочь сидели рядом, на кровати. И Фьора тихо-тихо рассказывала Мие очень старую историю.

Историю своего рода.

— Я думала, детка, что все это в прошлом. Правда думала. И у матери это не проявлялось, и у меня тоже никак... ты сама видишь. А вот тебе досталось. Ты уж прости меня... я действительно думала, что все прошло и не вернется.

— Что это такое — перевертыш? — тихо спросила Мия. — Что это значит... как вообще...

Она запуталась в словах и умолкла. Но заговорила Фьора, отлично понимая, о чем хочет узнать ее девочка.

— Перевертыш, Мия, это значит, что ты сможешь принимать любое обличье. Какое сама захочешь.

— Вообще любое? А если я захочу стать драконом? Фьора улыбнулась и качнула головой.

— Человеческое, Мия. Только человеческое... но любое. Мужское, женское — ты можешь выглядеть любым человеком.

— Это... от дьявола?

Фьора качнула головой.

— Нет. Ты крещеная, и я, и все в нашем роду, и к причастию ты можешь ходить спокойно, и в церковь войдешь. И если примешь облик падре, тебя не поразит молнией.

— Но? Есть же какое-то «но»?

— Нет. Разве что зеркала могут отражать твой истинный облик. Но не все. Только какие-то особенные... прабабка была скупа в подробностях. Что есть зеркала на крови и золоте, я знаю. А где они есть и как их распознать — уже не представляю.

— Прабабка?

— Да, Мия. Моя прабабка, твоя прапра, была перевертышем, как и ты. Она легко принимала любой облик. Правда, никто об этом не знал, иначе ее сожгли бы, как ведьму.

Мия и не сомневалась.

— И меня...

— И тебя тоже. Поэтому молчи, дочка. Молчи обо всем.

— Но я же... Оно само...

— Ты просто не можешь пока держать это под контролем. Впервые проявившийся дар ошеломляет, это

так. А у тебя он открылся, потому что ты стала девушкой. Обычно так оно и проявлялось.

— А потом...

— Зависело от родных.

Мия поняла и промолчала.

— В нашем случае я предлагаю оставить это нашим секретом. И приглядеться к младшеньким.

— Энцо?

— Нет. Мальчики перевертышами не бывают почему-то. В нашем роду только девочки.

— Постоянно? Или...

— Прабабка говорила, что раньше было постоянно. А потом все реже и реже... да и скрываться приходилось, и кровь разбавляли... не знаю точно. Я думала, это прошло навсегда.

— А сказала, что я похожа на прабабку? Тогда... в Феретти? — вспомнила Мия.

— Похожа. Она тоже была красивой. И очень властной. И ты распоряжалась в Феретти, как она.

Мия кивнула. Она поняла.

— Ты ее знала?

— Не слишком хорошо. Видела пару раз... Она фыркнула — пустышка. Но рассказала мне, чего можно ждать. Мало ли — проявится. Вот и случилось... старая зараза как чуяла, — сморщила нос Фьора.

— И чего можно ждать?

— Ничего особенного. Пока ты маленькая, ты можешь менять цвет волос, черты лица, но и только. Ненадолго. Потом сможешь менять и тело. Даже на мужское.

— Даже так?

— Да. И надолго. Прабабка могла до суток находиться в чужом облике. Потом просто падала от изнеможения, но — сутки.

Мия хмыкнула.